

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
КАМЕННЫЙ ГОРОД

ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода
№1. 2022 год

Санкт-Петербург 2022 год

Редакция Альманаха:
Алексей Салтыков, Геннадий Попов

Авторы:

Алексей Салтыков

Геннадий Попов

Артур Вахитов

Сергей Сметанин

Надежда Радченко

Михаил Деев

Юрий Алексеев

Оксана Алексеева

Виктор Берлин

Владимир Логинов

Нина Христианова

Надежда Кузнецова

Ольга Мелехина

Иллюстрация обложки: Ольга Бух

Каменный Город: литературный альманах

ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода\СПБ,

2022. - №1 - 72 стр.

© Идея: Алексей Салтыков

© Дизайн: Алексей Салтыков

© Художник: Ольга Бух (картина обложки)

Контактная информация:

ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода – Группа Вконтакте

saltykoff@inbox.ru

8-931-242-47-58 – А. Салтыков

Формат издания

Гарнитура Таймс. Тираж 30 экземпляров

Отпечатано в Типографии «Печатный цех»

Санкт-Петербург, адрес ул. Белы Куна, 32

2022 год

Содержание

Слово редактора.....Алексей Салтыков

Рубрика Поэзия.....Алексей Салтыков, Геннадий Попов,

Артур Вахитов, Сергей Сметанин,

Надежда Радченко, Юрий Алексеев,

Михаил Деев, Оксана Алексеева,

Виктор Берлин

Рубрика Проза.....Владимир Логинов, Нина Христианова,

Надежда Кузнецова

Рубрика Каменный город.....Алексей Салтыков

Рубрика Критика и публицистика.....Ольга Мелехина

Рубрика Книжный обзор.....Надежда Радченко

Рубрика Из жизни города.....Алексей Салтыков

Рубрика Один стих одного поэта.....Рабиндранат Тагор

ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода

2017 год

2021 год

СЛОВО РЕДАКТОРА

О Литературном Альманахе «Каменный город»

*Здравствуй, мой Петербург, Петроград,
Ленинград, я рождён здесь когда-то и этому
рад... Здесь мне выпал счастливый билетик,
чтоб я вырастил сердце поэта!*

Друзья и коллеги, авторы и читатели! Перед вами первый номер Литературного Альманаха «Каменный город» за 2022 год. Нетрудно догадаться по названию, что посвящён он именно Санкт-Петербургу – величественному, молодому и прекрасному творению Петра Великого. Искренним желанием авторов Альманаха было и есть творческое служение городу, его культуре. Недаром на этих страницах мы собрали поэзию, прозу, публицистику, обзоры книг – так или иначе связанных с этим городом.

2022 год в Петербурге прошёл под знаком 350-летия его основателя – Петра I. 9 июня город отметил это событие открытием международного петровского конгресса, концертом на Дворцовой, на Марсовом поле был представлен выставочный проект «30 картин из жизни Петра Великого. 2022». Произошло так же множество других событий – фестивали, концерты, дефиле. Так или иначе в этом движении приняли участие творческие и просто талантливые люди – поэты, писатели, режиссёры, музыканты, художники. Свою лепту в этот безостановочный процесс вносит и Литературный Альманах «Каменный город».

О меценатстве и талантах

*Кто украшал свой сад цветами,
Тот как садовник должен знать:*

Культуры нужно удобрять,

*А сорняки пробьются сами. **

И ты в мичуринское братство

Вступай, мой добрый меценат,

Быть может некрасив талант,

Ну, а бездарность быть прекрасной.

Пока плодов не ощутишь, -

Не разглядишь ни в ком поэта,

Лишь тот, кто не имеет цвета –

Не сможет ярче стать, чеммышь.

*Сады людей бывают разны -
Наук, искусств и детский сад,
И, чтобы жизнь была прекрасной,
Быть должен в каждом меценат.
Не только там, где капиталы
Процентам ставят пьедесталы,
Порой, писательская слава
Возвысит более Державу!*

Парафразом знаменитого стиха-афоризма Льва Озерова я представляю следующий посыл данного Альманаха: Талантам нужно помогать. Свой стих автор афоризма писал в те годы, когда литературное творчество и издательское дело в нашей стране достигли небывалого размаха. Мы по праву назывались не только самой читающей, но и самой издающей и интернациональной страной в мире. Но и сегодня мы не отстаём от этого звания, хотя, и занимаем второе место после Китая. Но и это ещё не все рекорды. Наша эпоха славна тем, что мы стали ещё и самым пишущим народом. Количество писателей у нас уже сравнимо с количеством читателей. Когда я, например, пришёл на сайт Стихи.ру в 2005-м году, то на нём числилось всего сто тысяч авторов, но уже в 2020-м году их стало уже около миллиона! Сложно что-то говорить о качестве, кто-то вообще назвал это «графоманской катастрофой», в среде которой не найти уже настоящий талант. И это правда. Отсутствие авторитетной критики и цензуры делает графоманство частью субкультуры, где всякой кукушке довольно хвалить петуха. Печально и то, что сам читатель стал обычным потребителем, который ищет отдыха и развлечения, не особо утруждаясь в раскрытии глубин мыслей авторов. Отсюда и многие пишущие подстраиваются под моду и требования всемогущего рынка. Компромисс сегодня звучит так: хочешь быть прославленным и при деньгах – пиши то, что требуют массы. А они, как раз, и хотят хлеба и новых Колизеев. А критика? А цензура? Всё сегодня подчинено власти денег. Кто платит – тот и панихиду заказывает. Настоящее, не денежное искусство становится уделом

немногих тонко чувствующих, способных критически его оценить. Помните, как Перельман отказался от премии института Клэя за доказательство теоремы Пуанкаре. "Если говорить совсем коротко, то главная причина - это несогласие с организованным математическим сообществом. Мне не нравятся их решения, я считаю их несправедливыми, - заявил после долгого молчания ученый. Потому, что всё настоящее – сродни искусству, а оно не терпит фальши. Все хотели шоу набитых кошельков, а получили шоу честного талантливого человека. А вы так можете?"

Талант нуждается не в деньгах, он нуждается в невидимой руке мецената, в наведении тех культурных векторов, идя вдоль которых он будет встречать восторженные отклики людей, которым интересен его полёт, которые критикуя, заставят взлететь ещё выше, как это было с Сэлинджером (автором «Над пропастью во ржи»), когда первым покупателем и критиком его работ стал увидевший в нём талант учитель. Однако, каждому пишущему хочется верить, тешить себя надеждой, что где-то и как-то сочтут его хоть не сорняком. Ибо, сказал же когда-то Вольтер: «...Je suis tres persuade, que quand un homme ne cultive point un talent, c'est qu'il ne l'a pas, qu'il n'y a personne, qui ne fit des vers, s'il ne poete, et de la musique, s'il etait ne musicien» (*Я совершенно убежден в том, что когда человек не культивирует свой талант, то это значит, что он его не имеет; не бывает такого человека, который бы не писал стихи, если он родился поэтом, и не сочинял бы музыку, если он родился музыкантом (франц.)*) И завершить часть эссе хочу словами поэта Валентина Голубева: *Сорные травы, названья которых забыты:*

Снить, веретельник, волчец и еще, и так далее – в глуби/ Древних корней родовых,/ Безмянности вроде и рады./ Так им спокойней в миру вековечном, но квиты/ Будем мы с ними, когда и меня в глиноземные глыбы/ Молча положат, как звали – забудут.

О насущном

Так случилось, что временем выхода первого номера Альманаха стал непростой для всей страны год. И то обстоятельство, что в нём ещё нет материалов, посвященных СВО, денацификации Украины, вхождения в состав России новых субъектов, о тех сложных ситуациях, в которых приходится сражаться нашим бойцам против в очередной раз ополчившегося двенадцати языкого монстра - еще не говорит о том, что авторами альманаха не переживается все это, не находит живого отклика в их душах. На самом деле мы еще слишком поверхностно осознаем те глубинные сдвиги, что происходят с мировым порядком, слишком не коснулась нас чужая боль, слишком не хочется верить, что затянется это надолго или затронет нас самих. Но нужно набираться храбрости, нужно начинать давать себе отчет в том, что мир прежним уже не будет никогда. И пусть мы не можем просчитать все возможные последствия, но последствия того тупика мирового господства запада мы все уже ощущали в дыхании терроризма, цветных революций и натовского беспредела. Мир прежним не будет никогда. И если мы, авторы - поэты, писатели, драматурги - не возглавим это движение, не ощутим дыхание ветра перемен, то что делать простому обывателю, какие ориентиры искать в мутной реке? В это непростое время важно не допустить раскола общества. Очень правильные слова сказал когда-то Сергей Бодров младший: "*...Во время войны нельзя говорить плохо о своих. Никогда. Даже если они неправы. Даже если твоя страна неправа во время войны, ты не должен говорить о ней плохо. Это очень старый, простой и примитивный принцип, но это так. Когда война не угрожает, когда война кончилась — тогда да, можно говорить: вот это было не так, и это было не так. Давайте постараемся, чтобы в будущем такого не было...*" И пусть кто-то сегодня не может признать, что идет всё-таки война, мы должны выстраивать всегда четкое понимание собственного мира,

самостояния, самоуважения. На всех уровнях общества должны появиться люди, искоряющие малодушие, предательство, потворство врагу, коррупцию, бюрократию. Мы должны быть готовыми к фактам терроризма и изучать при этом опыт СССР, опыт деятельности СМЕРШа. Открыв свои глаза, мы видим, что политики запада ненавидели Россию всегда и хотели не просто навязать нам свой порядок, но и при помощи его стереть нас с лица земли. Не вышло. И не выйдет. Вернуть бы вот только "Молодую гвардию" в школьную программу, осознание гордости за собственную историю, за собственное мировоззрение. Я верю, что Россия - это тот Титан, что объединит собой новый Евразийский мир, создаст новый многополярный порядок. Время покажет.

Отторженная возвратих

Русское, а теперь и российское сообщество традиционно и консервативно. Таков уж наш менталитет, что в нём не приживаются либеральная мораль и идеи капитализма. Невозможно утверждать, что истеблишмент России как-то отделён от самого народа. Нет. Каждый народ достоин своих правителей. Он их избирает, он принимает участие через различные социально-общественные институты в формировании тенденций политики. Будущее каждого народа принадлежит только ему самому, его силе, пассионарности, активности. Будущее народа принадлежит именно таким его людям. Имперскость России исходит из самой её истории и месту на Евразийском континенте. Так случилось, что земли между Балтикой и Камчаткой превратил в Государство народ, способный охватить собой почти необъятное для других. Вот почему по словам Бердяева "Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и

сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада". Со времён *Медаль с изображением двуглавого орла, держащего карты земель, присоединённых в 1772 и 1793 годах*

Петра Великого Россия стала Империей. Случилось это 22 октября (2 ноября) 1721 года по окончании Северной войны, когда по прошению сенаторов Пётр I принял титулы Императора Всероссийского и Отца Отечества. Далее был век Екатерины Великой, которая так же возвеличила Россию и укрепила Империю присоединением западных земель. Вот тогда-то и родился девиз «Отторженная возвратих». Так в «Манифесте по случаю присоединения к России губернии Изяславской, Брацлавской, Минской» 1793 года, где говорится, что раздел Речи Посполитой позволил России «возвратить ей древнее ее достояние, большею части единоверного с нами население, от предков наших до времени внутренних мятежей и внешних нашествий несправедливо отторгнутое, (...) без выстрела присоединить»

История вращается вокруг сильных. Таково устройство человеческой цивилизации. И невозможно нас заставить этого стыдиться. Ещё ни один народ, вошедший в состав Российской Империи, СССР, или Российской Федерации не пожалел об этом.

Алексей Салтыков

РУБРИКА ПОЭЗИЯ

Алексей Салтыков

О себе. Родился в 1973 году в Ленинграде, там же и вырос. Эпоху застолья ощутил и выпитал всеми фибрами своей души. Теперь живу в Петербурге. Таков исторический анекдот в моей биографии. Люблю свой город, ценю людей, которые так же бережно относятся к его культуре и истории. Этот город – сама воплощённая история, музей под открытым небом. Ещё одна метафора, связанная с ним – Петербург – Четвёртый Рим. Пишу стихи с юности, но, попав в 2016 году в ЛИТО Кировского завода, начал писать ещё и прозу. Написал сказку для детей «Нефея», драму в стихах «Вавилонские страсти», издал сборник стихов «Навстречу Родине». Философскую книгу «Буриданов осёл. И как им не стать». В работах исторического характера «Код белых берёз» и «История как волна» представляю на суд публики своё открытие Волнового характера истории, суть которого изложил так же в статье в научном журнале «Евразийский союз учёных» под названием «Теория волновой истории этносов северного полушария». Книги можно найти и почитать на сайте ЛИТРЕС.

Священный и каменный город

Когда-то давно из простого шатра
Здесь город возник повеленьем Петра,
Священный и каменный город
Предстал изумившимся взорам.
Здесь были болота, и редко нога
Пришельца ступала на те берега,
И грозной, и дикой казалась Нева,
Безлюдные теша собой острова.
Пытались обжить их и швед, и чухна,
Но, видно, прошли уже их времена -
Не снился им каменный город,
Как ветром распахнутый ворот
Не грезится ждущим погоду у моря...
Но русский пришёл, и воскликнул: пора!
Здесь город поставить во славу Петра -
Священный и каменный город,
В колоннах, дворцах и узорах, -
Оград, площадей, и во взорах
Патрициев новых — кто честен и молод -
Священный и каменный город!
Загрохали пушки, ощерился флот,
Наш мир охраняя, тот город встаёт -
Священный и каменный город,
Пристанище воинств петровых.
Свозили сюда малахит и гранит,
Здесь русский мужик под камнями лежит,
И тем он для русских священной стоит -
Имперский и каменный город!
И, если четвертому Риму и быть, -
То только ему это имя носить,
Кто в славе и дерзок и молод -
Имперский и каменный город!
С тех пор, как на эти ты встал берега,

Сюда не наведалась вражья нога,
И люди твои — исполины -
В труде своём гнули лишь спины!
Да, молоды были, да, жили учась -
Учил Монферран нас, как камни те класть,
У Клодта учились мы грации тела,
И Римское право вкушали несмело.
Ты словно поэзия, сложен мечтой,
Каналы неспешно хранят твой покой,
И только бунтарство твоих площадей
Коней превращало в простых лошадей.
Но юное — склонно к бунтарству,
И падают боги и царства,
Уносится жизнь из дворцов, из-под плит,
Но — здравствуй! - Зелёное племя кричит,
Ты наш Альма-матер, дожди — как роса,
И вот уж алеют твои паруса!
Ты радостен снова, ты весел и юн,
Музеи хранят письма твоих рун,
И славится новая вера -
Любителей парков и скверов.
Ты стал исполином на стыке культур,
С Венецией Рим здесь, София и Лувр,
Здесь молятся рядом Христу и Аллаху,
Здесь слушают Шнура, и Моцарта с Бахом,
Мосты разводные, и словно кукушка -
Твой день отсчитает старинная пушка.
...
Качаясь, плывёт, отражаясь в волнах,
Фрегатом гранитным на всех парусах,
И Пётр в том фрегате на медном коне
Красуется медью в открытом окне!
Живущий — со смертью поспорит -
Великий и каменный город!

Ты – град Богов!

Встречает Пётр ленинградцев,
Встречает Ленин петербуржцев,
И мы в купели невской, братцы,
За дружбу пьём хмельную кружку!

Мы всё, друзья, преодолеем,
Какими б ни были напасти,
Нам Сада Летнего аллеи
Внушают радости и страсти!

Встречать закаты под мостами,
И блики волн ловить на лицах,
Июньским днём под парусами
С Дворцовым Ангелом кружиться!

Петра погладить за колени,
Увидеть Ленина в фонтанах –
Всё здесь на стыке поколений
Покажется пришельцу странным.

Но гостю доброму мы рады,
Наш город – чудо акварели
Откроет всем свои мансарды,
Творенья Клодта и Растрелли!

Стоят кафе и рестораны,
Гостей на пиршества сзывая,
И искушённые гурманы
Любую кухню здесь узнают.

Полно пельменных здесь и блинных,
И пышки стали уж легендой,
Кальянных погребов и винных,

А в мае – корюшки отведай.

Здесь сладким запахом шавермы

Таджик тебе наполнит питу,

Здесь феромонами сирени

Пространство летнее покрыто.

Мой город – сказочный, любого

Зажжёт легендами, как спичкой...

Вернуть бы вновь Городового,

Чтоб сторожил наш мост Аничков.

Ты – град Богов! Я твой навеки

Бредущий пушкинский Евгений,

Кто знал тебя, тот смежит веки

Уже без всяких сожалений!

Священные Камни Петра

Стой и красуйся, Святой Камнеград!

Факелы грозно Ростральных горят!

Пушки? Заряжены! Роты? Стоят!

Сам Император ведёт свой фрегат.

Гений строителя и топора –

Это Священные Камни Петра!

О, этот город, любимый до слёз!

Сколько мне слов и мечтаний принёс,

Воды Невы словно время бегут,

Камни на дне память лишь стерегут.

Им не страшны ни дожди, ни ветра –

Это Священные Камни Петра!

Камни – не только могильные плиты,

Камни хранят, что людьми позабыто!

Если бы камни могли говорить –

Сколько б поэм можно было сложить!

То, что в них спрятано – вспомнить пора –

Это Священные Камни Петра!

Спели б нам камни больших площадей

Песни извозчиков, храп лошадей,

Песни кровавых расправ и молебнов,

Песни прощаний и маршей военных –

Всё, что терзает и жжёт до нутра –

Это Священные Камни Петра!

Камни дворцов, арки каменных сводов

Помнят о смерти и крики при родах

Новых царей, заговорщиков старых,

Переворотов и страшных пожаров,

Только всё так же стоят якоря –

Это Священные камни Петра!

Замки из камня и мрак казематов

Помнят любовников и супостатов,

Песни бастардов, убийц и злодеев,

Песни невольников и лицедеёв...

Тех, кому время – дожить до утра, -

Это Священные Камни Петра!

Помнят Атланты и Кариатиды

Родины песни – преславной Понтиды.

Небо на плечи взвалили им Боги,

Здесь они – остов для царских чертогов!

Держат они, не жалея нутра, -

Эти Священные Камни Петра!

Помнит мозаика римские драмы,

Помнят колонны Дельфийские храмы,
Мрамор каррарский – кирку камнетёса,
Сфинксы застыли с последним вопросом:
Время разброса, иль сбора пора –
Эти Священные Камни Петра?

Реки, каналы – аорты и вены,
Духом людским вдохновлённые стены,
Дух разлетелся – и ожили камни,
Чтобы творенье восславить преданьем!
Гений строителя и топора –
Это Священные Камни Петра!

Петербургжцы

Петербургжцы – особая нация,
Здесь нельзя быть мигрантом, иль русским
Даже разным богам поклоняться
Можно через богов петербургских

Храм под небом – наш Питер каменный,
Нам праматерь – Нева степенная,
Наши боги – огни ростральные,
В латах Марс, да богиня пенная*.

Мы давно уж не те, что ранее,
Избы топим уж не по-чёрному,
Перестали мы быть пуританами,
Видя статую обнажённую.

Город – молодость, в ражи – Муции
Каракозовы и гапоновы,
Град бунтарства и революции,
Город миром не избалованный.

Словно вспомнив о клятве Горациев -
Кто вы? - спросят, - мы славные римляне!
Петербургжец – такая же нация,
Этим каменным градом хранимая.

Там в купели гранита неевского
Крещены мы ветрами севера,
Став единой семьёй имперскою,
Новой правды мы, новой веры мы!

Но когда-то в иной градации –
На заводы шли, как на парады,
Звались гордо мы – ленинградцами,
Звались гордо, недолго, правда.

Но опять грозный дух имперскости
К нам вернулся, как к новым римлянам,
Нас склоняли – мы стали дерзкими,
Нас нельзя уж лепить, как глиняных.

В нас намешана смесь гремучая,
Вавилонского ТОЛПОТВОРЕНИЯ,
Сколько нужно ещё поколений нам,
Чтобы вновь обрести могущество?

А пока – только нос свой вытерев,
Обзаводимся постаменами,
И в любви признаёмся Питеру,
Мы же – граждане... интеллигентные!

Приходящим - не нужно кланяться,
Здесь культура должна быть жаждою.
Тот, кто примет – навек останется,
Новый Рим обвенчает каждого.

С днём рождения, Петербург!

Город Петра — гордость России,
В царском величье двуглавых орлов,
Неколебим, укротил ты стихию,
Гордость Невы и балтийских ветров.

Мы не хотим ни войны, ни раздора,
Стойко за мир наши пушки стоят!
Русский пришёл на Балтийское море,
И никогда не вернётся назад!

С днём рожденья тебя, Петербург!
Наши судьбы связал ты не вдруг!
Как всегда, до утра над фрегатом Петра
Будут дуть молодые ветра!

Пусть над тобой пролетают столетья,
И никогда не приснится закат!
Мы навсегда твои малые дети,
Воины правды и внуки Петра!

*Морская чайка – символ
Петербурга*

Наводнили мой город чайки,
Прогоняя ворон отовсюду,
С крыш, и с неба кричат: встречай-ка,
Дом жильцам готовь и посуду!

Как приветливо синее небо,
В белизне облаков искрится,
Не забуду я, где бы не был
Гордый вид этой белой птицы!

Дай то Бог обрести нам силы,

Отрешившись от серых буден –
Полюбить этот белый символ,
Как бы ни было время трудно.

Нам – учиться у них свободы,
Славным песням, геройским кличам,
Восхищаясь небесным сводам,
И трудом город свой велича!

Не вороньим, не голубиным,
Город мой, ты меня встречай-ка,
Чтоб над крышами бело-чинно
С громким криком парила чайка.

По дождливому Питеру

Погулять по дождливому Питеру
Не хотите ли? Не хотите ли?
Все заслонки небесной обители
Вдруг открылись землянам назло!

Водосточных труб консерватория
Наиграла мне эту историю,
Англетер помирился с Асторией, -
Хоть с мечтами мне вдруг повезло...

А где-то лето бегаёт босое,
Нам же снятся дождливые сны.
Ведь дождь весной в Питере с осени,
А осенью прямо с весны!

А я шёл, вспоминая про Индию,
Пока нос ещё мой не заиндевел...
В ресторанах сидят посетители,
Разгоняя кальяном тоску...

Ну, а те, кто попроще – любители,
Или просто дождливые жители,
Погулять по дождливому Питеру –
Каждый вечер готовы к броску...

А где-то лето бегают босое,
Нам же снятся дождливые сны.
Ведь дождь весной в Питере с осени,
А осенью прямо с весны!

Где-то, где-то индусы под пальмами
Управляют законными кармами,
И коров не едят с обезьянами,
И не носят под вечер пальто...

Там деревья обвиты лианами,
И не ходят в одеждах с карманами,
Всё в порядке с небесными кранами
Там, где Будда сидит золотой...

А где-то лето бегают босое,
Нам же снятся дождливые сны.
Ведь дождь весной в Питере с осени,
А осенью прямо с весны!

Только в Питере Солнце похитили,
И простудишься, если не в свитере,
Под плащом вспоминаешь, как исстари
Повенчался сей город с дождём.

Чай Индийский повеет открытием,
Море тёплое в кружках мы видели,
И гулять по дождливому Питеру

Могут кто в этот город влюблён!
А где-то лето бегают босое,
Нам же снятся дождливые сны.
Ведь дождь весной в Питере с осени,
А осенью прямо с весны!

Российскому флоту — ура!

На Тихом океане, как будто великаны
Хранят покой России корабли.
На вахте им не спится — в фарватере граница,
И мили до большой родной земли!
По ветру вьются гюйсы, опасности смеются
В лицо родные наши моряки!
Там матери и жёны их ждут, на море Чёрном,
Границы русской мили не легки!

Российскому флоту — ура!
Пусть плещутся мирно моря!

На лентах блестят якоря,
И клотики ясно горят!

Российскому флоту — ура!
Пусть в школы бежит детвора,
И с первых страниц букваря
Глядят те, кто мир наш хранят.

Кто с наледью не спорил, кого не били волны,
Тот не поймёт походки моряка.

На севере суровом не длинны разговоры,
Кто друг, кто так — видать издалека!

Везде, где чайки кружат стоят на вахте
дружно

На Балтике России корабли.

В Кронштадте и в Балтийске у флота есть
прописка,

Там Пётр окно в Европу прорубил!

Российскому флоту — ура!

Пусть плещутся мирно моря!

На лентах блестят якоря,

И клотики ясно горят!

Российскому флоту — ура!

Пусть в школы бежит детвора,

И с первых страниц букваря

Глядят те, кто мир наш хранят

Домики на крышах

Как часто вглядываясь в окна

Ловил я в них журчащий свет:

А вдруг там так же кто-то чокнут —

Художник, иль как я — поэт?

И я зашёл к нему бы в гости

Снующих женщин в неглиже,

Застывший триптих в вечном тосте

Любви — как вечной госпоже!

Как удивительно и просто

Всё гениальное творить,

В каминные строчки рифм подбросить,

Дымком сигар поворожить...

Поверить в волшебство портвейна,

Уткнувшись в мягкий женский зад,

И наблюдать, как муравейник

Спешит достроить скучный сад.

И про людей, что носят груди

С Горбовским вспомнить невзначай...

На крышах — голуби и люди

Я видел — вместе пили чай.

Кто знать бы мог — чьи это шпили,

Чьи закутки небесных крыш,

Куда поэты муз водили,

И прятал Карлсона малыш,

Там кто-то ангелом разбужен

Вдруг расцветёт как дуб весной...

И, может, как-то зимней стужей

Я постучусь туда в окно.

Бельведер История любви Императора*

«Да смилуется над нами Бог и даст

однажды нам возможность

жить лишь для себя...»

Из письма №2 Александр II —

Княжне Екатерине Долгоруковой

Над Бельведером пахнет сиренью,

Птицы умолкли, лишь звёзды горят.

Даже богам то нельзя во Вселенной,

Что Императору звёзды простят.

Сёстры Атлантов, страдальцы понтиды,

Вечным примером несущего крест,

Смотрят на звёзды здесь Кариатиды

В платьях несбывшихся божьих невест.

Боги ж бессмертны, но страсти им вредны,

Здесь, на Земле — мы иначе живём:

Утром мы в храме служим молебны,

А по ночам все грехи познаём!

Так познавал одинокий Тиберий,
Скрывшись от глаз для развратов души...
Я б в телегонию камня не верил,
И на мозаику всё ж не грешил.
Смерть уж над ним заносила кинжалы.
Ей он не верил – смеялся в ответ,
Но на корону глядел он устало,
Жизнь то прекрасней, коль сыщешь в ней
цвет!

Ей – девятнадцать, ему – сорок восемь.
Он – Император, она же – Княжна!
Он так подспудно оттягивал сень,
С ней только, только случилась весна...

Рыцарь – мечтатель, и влюбчивый барин,
Страстный охотник – трофей полон зал,
Он не возьмётся, как грубый татарин, -
Он в Монплеzir на коне прискакал!

Снова здесь встреча, какое-то чудо!
Вспомнил Жуковского: в счастье поверь!
Катенька, Катя, тот храм не забуду,
Чем для любви нашей стал Бельведер!

Здесь столько мощи и столько свободы,
Столько простора и буйства в крови!
Был властолюб мой отец от природы,
Он же сей храм воздвигал для любви!

Мрамор каррарский и клодтовы кони,
Что укрощённые силой ума,

Словно робеют пред мощью колонной,
Сильным – свобода здесь, слабым – тюрьма.

Он – выше храма, и выше природы!
Друг мой, патриций, расслабишься здесь.
Хлеба и зрелищ – желают народы,
Небо и вечность – отдал нам Зевес!

Там, погляди, Катя, Катя, - Исакий!
Господи! Как же ничтожна Земля!
Кто над судьбою своею не плакал,
Видя прекрасные эти поля!

Ты говоришь: как же Императрица?
Как же наследник? - Да к чёрту судьбу!
Разве не мог Император влюбиться,
Хоть даже ангелы б дули в трубу!

Если царю прибавляет стремлений,
Новая страсть будоражит в нём кровь,
Новых реформ пусть все ждут повелений –
В том ли не сила, где власть и любовь?

Вырастет сын, отрекусь от престола,
И заживём где-нибудь налегке,
Слушая песни под Арфу Эола,
От суеты и проблем вдалеке.

Дядя мой так отрешился от мира...
- Вспомни же, Алекс, что после стряслось!
- Всё протекает, пустеют нальмиры,
Если всё время накапливать злость.

Дал крепостным я свободную долю,

Освободитель – меня нарекут!
- Что же бунтует «Народная воля»?
- Тяжко рабу отказаться от пут!
Бунт на Руси беспощаден и страшен,
Так и живут одним днём...
Вижу... Мечтаю о будущем нашем,
Бога молю перед сном, -

Чтобы однажды он свёл наши души
Перед Святым Алтарём
И никогда б не посмел я нарушить
Катенька, счастье твоё!

Богом клянусь, твои милые руки
Буду всегда целовать,
Только б недолгими были разлуки,
Телом твоим согревалась кровать!

Вижу в тебе я души отраженье,
Словно живу я в тебе...
Я ж Император! Божественный гений,
Страсти взаимны не спрошу у небес!

Художнику Д. К.

Коротал я как-то вечер
С другом из Азербайджана.
Говорят, что в каждой встрече
Мы свои находим грани.
То ли родственную душу
С тягой к вечному творенью,
Иль штрихом пейзаж нарушив,
Мы прервём чужое бденье.
От пейзажа до портрета
Мы брели с дыханьем Митры,

И тогда с душой поэта
Вышел к нам художник Дмитрий.
Галерея закрывалась,
Опускался тихо вечер,
Разговорчивый немало
Восхищался друг мой встрече.
Я ж не мог налюбоваться,
Словно в мире зазеркалья –
Там хотелось мне остаться
У старинного рояля...
Светел мир в его полотнах,
Даже дождь безмерно светел,
Словно Бог – весёлый плотник
Строить храм его приметил!
Разлетелись по асфальту
Брызги солнечного света,
Кружит бабочками сальто
Завороженное лето,
И плывут куда-то в качке
Корабли, разбрызгав море...
Словно бабочки – чудачки,
Наколов стекло фарфора.
С жёлтым клетчатым жирафом
Дали джазу растаманы,
Город дождю проштрафив,
Луж набил себе в карманы,
И трамвай несётся в лужах,
Как Циклоп за Одиссеем...
Ты здесь был когда-то, ну же, -
Дождь над Питером довлеет!
И во двор войдя любимый, -
В нём своё увидишь Солнце,
Дом, зашарпанный, как гримом
На касанье отзовется...

В банке скрючены креветки –
 Пьём вино из трёх бокалов,
 Снегири сидят на ветке,
 Говорим про что попало.
 Он пытается быть грозным,
 Говорит, - я злой, ребята...
 Быть художнику бесслёзным –
 Без запала как граната!
 Я смотрю в глаза – в них света
 Больше, чем в настенной лампе!
 Брат, не проведёшь поэта, -
 Ты же добр, как дед Евлампий!
 Пролетят и дни, и ночи,
 Позабудется и встреча,
 Но как бабочки хлопочут –
 Осознал я в этот вечер...

земляк в завод воткнулся ловко).
 Когда же балл я не добрал –
 в комиссию... Но. Чёрт побрал,-
 (некрасовский подъезд парадный)
 холопский там царил недуг:
 все в злате женщины нарядны,
 полковники... И я – сам-друг.

Я жизнь и труд отдал заводу.
 И жил по чести, как на блюде.
 Но замутили чисту воду
 и рок слепой, и злые люди.
 И всё, что строил я степенно,
 точмя точили постепенно,
 и человеческое счастье
 разрушилось вдруг в одночасье.

Живу теперь на Заозёрной.
 Печально се. Но не зазорно:
 отвёл от сына долга меч -
 головушка могла бы с плеч.
 Обводным¹ я туда-сюда
 хожу... Довольно прозаично.
 Но это вовсе не беда –
 веду контакт я поэтический.

Геннадий Попов

Два златых шпиля шлюют мне честь.
 Эфиром дышит телебашня.
 Так будет завтра, нынче есть,
 и так же было днём вчерашним.
 И кажется, что вечен бал.
 И чувствую я всё нутром.
 И будто город основал
 сподвижно я с царём Петром.

Далёкий космос тихо льёт
 волну своих нетленных раций.
 И ночью белою плывёт
 музей волшебных декораций:
 Кваренги, Росси, Монферран,
 Захаров, Клодт, сам Бог – Растрелли –
 всё лёгким росчерком пера...
 В тенистых парках – птичьи трели.

Я и город
 Да-а... Сброк лет, как я приехал –
 вся жизнь, поди, не просто века –
 теперь уж в бывший Ленинград.
 С ним встрече был конечно рад.
 От ревматизма оклемавшись,
 успешно в школе отстрелявшись, -
 не для экскурсий и потех –
 приехал биться в Политех.

(Учился брат здесь старший, Вовка,

Прошли оркестры духовые.
 Бьют склянки – флоту юбилей.
 И мэр - под занавес - впервые
 впустил Европу. Ве – се – лей!
 Уже родился вечный Пушкин.
 И лето катится к макушке,
 вступая в полные права:
 точна Природа. И права.

А тополя трясут перины.
 Девицы – словно балерины –
 почти разделись догола.

С приставкой странною «гала»
идут концерты сплошь и рядом.
Слиняла в летние отряды
из школ умолкших суэта.
Лишь на работе маята...

От выборов – бери с апреля –
все петербуржцы одурели.
Тут президента - ужас! – мина...
Лишь стойкий запах у жасмина
вдохнёшь в истерзанную грудь
и взмолишься: "Хоть как-нибудь
страна б быстрее определилась,
и чтоб душа остепенилась..."

“Царь” по профессии - строитель,
а по натуре – разрушитель.
Когда ж, всевидящий Создатель,
ниспослан будет созидатель?
Иль мы – проклятая страна?
На веки-вечные дана
нам участь гибели, разора?
Иль не боишься Сам позора?

Но, кажется, хватил я слишком.
Не поплатиться бы умишком
за постоянный с Богом спор.
Но Он всемилостив – укор
простит Он мне (я ж в этом каюсь
и впредь, ни-ни, не заикаюсь).
Засим, пожалуй, ставлю точку
и закругляюсь. В одиночку.
СПб, июнь 1996 г.

Гимн Санкт - Петербурга

Тебя мы славим,
неповторимый город.
Как Гимн
звучат над тобой века.
И ты, наш город,
как прежде, молод.
И жестом величия
кумира рука.
С рожденья ты
России был заставой.
Державной ты
её столицей был.
Покрывл себя
немеркнувшей ты славой.
Нашествиям
поохладил ты пыл.
Тебя задолго
до основанья видел,
Брега храня,
прозорливый князь.

И ты предстал
в дерзновенном виде,
Ускорив Европы
и Азии связь.
Стал центром ты
культуры и науки,
И современной
жизни деловой,
Жемчужиной,
сплотив сердца и руки.
Героем стал ты
славы мировой.
Тебя мы славим,
наш величавый город.
Тебе мы Гимн поём,
Санкт-Петербург,
Петроград,
Ленинград.
СПб, октябрь 2002 года.

Март

Порой в такое время года
прорвёт мятежная погода
и в вихрях ветра мокрым снегом
так застигает нам глаза,
что, друг на друга натыкаясь,
при сём беззлобно чертыхаясь,
мы месим кашу, перебегом
через заносы курс держа.

С любого ракурса Тритона
всё матово и однотонно,
и не получишь резкий снимок –
какой бы ни был фотокласс.
Под занавес зимы заснежен
весь город, но я сердцем нежен
к нему. Иду – навстречу мимо
плывут ансамбли, счастлив глаз.
Аж сутки снегопад шёл валом,
Нева - под белым покрывалом.
Под Заячьим – две “чёрных белки”,
да, держит – смелых! – лёд пока.

Весна отпустит все поводыя –
сольются редкие разводья,
тогда-то вот у кия “Стрелки”
уж не увидишь рыбака.

Иду я крепостной стеною,
и вновь встают передо мною
прекрасных набережных виды:
две ростры, биржа, бастион...
Случись такое, чтоб из гроба
встал Основатель, – глядя в оба,
не испытал бы он обиды
за град, доволен был бы он.
Санкт-Петербург, 3 марта 2001 г.

Блокада

Блокада – явление ужасной войны.
И так же, война как, ужасна блокада.
Пред теми, погиб кто, нет скорбной вины
У тех, кому жизнь стала Главной наградой.

Уходят в историю боли тех лет.
Уходят из жизни блокады подранки...
И хоть в поколениях беспамятства нет –
Запомнят ли мужество? Нет в том гарантий.

Зачем за примером ходить далеко:
Возьмите Прибалтику. Иль Украину,
Болгарию, Польшу... Как нам нелегко...
Славяне!! А что уж о тех, кто нам ины?

И в собственной многострадальной стране –
Уверены, будто они в том удалы, -
Как будто фашисты на прошлой войне,
Крушат Память славную внуки-вандалы.

Безжалостно надо подонков судить!

Нет, всё ж не убить им бессмертную Славу!
По счёту большому давайте судить:
Сберечь у нас есть кому нашу державу!

Задача извечна – свой кров защищать,
Друзьями всем быть, но крепить оборону.
Давно прижилась уж в музее пищаль,
Сегодня оружие – подобное грому...

Закон: не скудеет дающих рука.
За почести выжившим жаба не душит.
Их Подвиг нетленный нести нам в века –
В горячих сердцах и во праведных душах.
27 января 2016 года, г. С- Петербург

Дуб-Блокадник

На Васильевском острове в тихом дворе
дуб взрастал молодой – тень давал детворе.
Здесь студёные воды торопила Нева,
и в зените июня не спала ночь – сова.

Выпускной бал! И весело, как от вина...
Чу, рас – св – е -ет... Весть грозой –
полыхнула война!
В одночасье как будто пришла и в тот двор,
и надрывно взревел мессершмитта мотор.

Во дворе разорвался фашистский фугас!
И взметнулась земля! Белый свет как погас...
А как стихло, явилась тут смерти метла:
распластались под дубом детишек тела.

А у дуба осколки застряли в стволе.
Как хотел бы с детьми вместе лечь он в земле!
Но, как люди, он выжил, хоть враг был и лют,
И встречал долгожданный победный салют.

Годы шли. Ответшал во дворе жилой фонд –
расселили всех тех, кто держал здесь свой
фронт.

А тот дуб стал болеть, от болезни устал,
И в зелёных ветвях быстро сохнуть он стал.

И когда новостройка пришла и туда,
началась вокруг дуба большая страда.
Знаем, лес коли рубят, то щепки летят:
стал бельмом на глазу он – снести уж велят.

И однажды к нему с мощной бензопилой
в спецодежде пришёл паренёк удалой.
Роковую пилу ко стволу он поднёс...
Но... осколками дуб... в пиле ...зубья все
снёс.

Подошла тут старушка. Сказала:” Сынок!
Побережь надо дуб. Он и так одинок.
Потому сохнуть стал. Его нет в том вины.
Он блокадник, как я. Он – участник войны...”

Паренёк тот в контору: “Послушай, прораб!
Твой приказ отменяю, поскольку не раб!..”
И стал дуб он лечить – доброхот-волонтёр.
Вскоре дуб зелень кроны вновь к небу
простёр.

И живёт дуб – блокадник с надпилом в коре
уже в новом просторном красивом дворе.
В его сенях, как прежде там, с ранней поры
Раздаётся, как Гимн, звонкий смех детворы.
Г. С-Петербург, январь 2019 г.

*Ко дню полного снятия блокады
Ленинграда*

Текли покойно, вольно реки наши,
И нивы зрели урожаем тучным,

И становилась жизнь в стране всё краше.
Но с Запада сгущались мрачно тучи...

Там свастика фашистская паучья
Покрыла смертным смрадом много стран.
Не испытал отпора, не проучена,
В СССР нацелила таран.

И вот в страну нахлынуло несчастье,
Обрушились бомбёжки словно град.
Чей был просчёт? – но будто в одночасье
Попал в кольцо блокады Ленинград.

Коль встали б ленинградцы на колени,
То, несомненно, пала бы Москва.
В ней Кремль. И мавзолей. В нём – Ленин.
Столица Родины! К чему ещё слова?..

Чрез сонм нечеловеческих страданий
Прошёл наш город, удивив весь мир.
Он заплатил неоценимой данью.
Он мужества и стойкости кумир.

Находятся, увы, теперь ублюдки,
Кто, сидя в кресле – на ногу нога,
Вещают: зря в блокаду гибли люди,
Сдались на милость лучше бы врага.

Они не знают просто – недоноски,
Что существует мощный русский дух,
Что наш народ – герой орденоносный –
Врагов любых развеет в прах и пух.

Ещё вещают, что пора нам, вроде,
Прошло коль скоро так уж много лет,
Простить совсем фашистское отродье.
Проклятого врага! – простить?! Ну – нет!!!

Помиловать поверженного – можно.
 Помиловать – не значит, что простить.
 Кого-то совесть мучает, возможно, -
 Могилам фрицев дали зарости...
 Да пусть их имена бесславно сгинут!
 И будет проклят фюрер – мракобес!
 Но пусть звучит над миром вечным Гимном
 Российского солдата Подвиг – до небес!!!

Нам кладбища не нужны оккупантов!
 Сравнять и кости их с лицом земли!
 Освободитель - воин в Трептов- парке
 Напоминаньем будет пусть в веков дали!
 Г. Санкт – Петербург, 27 января 2018 г.

*К 70-летию полного снятия
 вражеской блокады Ленинграда
 Поэма*

Посвящена, как и последующие стихи о блокаде,
 сёстрам-блокадницам Анне Михайловне и Елене
 Михайловне, с которыми мне довелось отметить в
 их семейном кругу несколько годовщин полного
 освобождения Ленинграда от фашистской
 блокады.

Блокада... Блокада...
 Осада... Осада...
 Чудовищно это!
 Такая досада!..
 Вчера ещё было
 сплошь мирное небо.
 Ужель то был сон?
 Ужель это небыль?
 Но как так случилось?
 Кто в том виноват?
 Вещали: “Да мы их!
 Заломим!
 Vivat!”

Кого осудить?
 Окрестить подлецом?
 Восьмое.
 Сентябрь.
 И замкнулось кольцо...
 Сам фюрер –
 разбойник, грабитель и вор-
 Изрёк Ленинграду
 на смерть приговор:
 “Хайль!
 Чтоб большевизма
 обрезать пути,
 Город,
 как символ,
 стереть в прах!
 Смести!”

Уж грабят они
 Петергоф,
 Павловск,
 Пушкин.
 По городу лупят
 фашистские пушки.
 Трещат мотоциклы
 и в Красном селе.
 С губными гармошками!
 Навеселе!
 И вот уж захвачен
 в предместье Урицк...
 В бинокли видны
 выражения лиц...
 Вдруг мотоотряд
 на трамвайном пути!
 “Вожатый!
 На Стрельну
 уже не пройти!
 Зато ты преграда,

как ров иль обрыв.	фашистам дать сдачу...
Поставил ты крест	Вот сразу на город
на случайный прорыв.”	жестокий налёт –
Не мог и представить себе	Армада Люфтваффе,
бойкий фриц –	паук – самолёт.
То был знак провала,	И взвился над городом
провала “кригблиц”.	смордовый дым –
Скажу,	Горели Бадаи –
забегая немного вперёд, -	продуктов склады.
О том	Блокада...
не забыл	Осада...
благодарный народ:	Бомбёжки. Обстрелы.
Подобный трамвай,	Сравнятся ль
этой славы венцом,	татаро-монгольские стрелы?
Стоит -	Стрела поражает
там,	всего - одного.
где Княжево было сельцо.	А бомба –
	весь дом,
Мальчишкам	не щадя никого.
всё в радость –	Виновен в просчётах –
не ставьте в вину:	есть сумма улик -
Мальчишки ведь	(неоднозначный был)
с детства	маршал Кулик.
играют в войну.	Его возвышали,
Войны настоящей	затем умалили,
не нюхали дым:	А после войны
“Держись,	зазря расстреляли. ¹⁾
фриц проклятый! –	Не отличился
тебе мы дадим!”	и Клим Ворошилов –
Вот так вот:	В атаку ходил
“Дадим мы! –	со штыком, ²⁾
держись, фриц проклятый!” -	будто с шилом...
Давали они	Как будто не понял,
подсознательно клятву.	что не на Гражданской...
Эх, этих мальчишек	За Почту поляки сражались так
Вождю бы в придачу! –	в Гданьске. ³⁾
Они бы сумели	И стало так грозно,

и стало так жутко...	много солдатушек –
Тогда из-под Ельни	там –
направлен был Жуков.	полегло...
Под Ельней с врагами	И сердце как сжалось –
он свёл жёсткий счёт.	не отлегло...
Открыл он победам своим	Синявино, Мга –
долгий счёт.	болота и гниль...
И там возрождён был	В поклоне там
Гвардейский наш стяг.	голову низко нагни...
Гвардейское званье –	Однажды
подспорье присяг.	ходил я туда –
Направлен был там	по грибы,
на Москву вражий клин.	Попал на болотца,
А он рубанул –	болотца – гробы:
повернул на Берлин.	Истлевшие кости -
Свинцовой метелью	и наших,
мела смертно вьюга.	и их –
Но прочно держались	Лежат вперемежку –
у Пулково – с юга,	печальный трип-тих;
В заливе Кронштадт –	И вражеский шмайсер,
наша флотская крепость:	и русский приклад...
Фашистов	Так время свершило
орудья чехвостили крепко.	меж ними мир-лад.
“Ораниенбаум тебе,	И вдруг! –
апельсин?!	пред ногами –
А дули не хочешь,	увидел я череп...
фашист – сукин сын?!” –	Нет,
Десанта морского	я не прошёл,
гремело: “Даёшь!!”-	не сделал шаг через,
И фрица теснили,	А череп я тот
едрён его вошь.	закопал...
Как будто бы бросили	схоронил...
якорь – крючок –	Считаю,
Вце – пи – лись!!! –за –	что совесть свою сохранил.
“Невский” зовут –	Неважно, чей череп –
пяточок.	немецкий, советский...
Оххх! –	И те, и другие

здесь гибли без вести.	Шьёт сутками дома
Конечно –	мешки для песка.
живой немец	Песком защищали
лютый был враг.	Петра на коне:
Теперь –	Да, Медный наш всадник, -
что возьмёшь с него,	Европы в окне.
коль это прах.	125 граммов –
Фашист пунктуален,	название лишь –
фашист - методист:	хлеба,
Как с древа спадает	А был,
за листиком лист,	не пойми из чего,
Так “Берта” ⁴⁾	суррогат.
смертельные слала “дары” –	В овчинку
В минуту раз била	от голода
с Вороньей горы.	сузилось небо...
Пасут “зажигалки” ⁵⁾	А немец доволен,
Свиридов и дети, ⁶⁾	он сытый был –
И сам Шестакович –	гад.
талант его светел.	Обжорство и пьянство –
Не только оружие шло в ход –	брала аж икота.
ППШа, ⁷⁾	Убийство, убийство –
Опасен стал фрицам	вот немца работа...
и ДДШа: ⁸⁾	И немец лютует,
В суровое время –	и немец бомбит.
Седьмая симфония!	Лишь вера спасает,
Как залпы “Катюш”,	что будет он бит.
звучит Филармония!	Однажды в стихе
Лилась, как свинец,	славный Пушкин сказал,
Музы’ка в траншеи,	Мол, чем помешаться,
Как бы заливая	то лучше уж “глад”. ⁹⁾
фашистов по шею.	О, нет!
В крысиных окопах	Он не ведал такое!.. Не знал,
прижух бедный Ганс,	Что голод блокады
И пыл наступленья	ужасней стократ.
ослаб и...погас.	И тело, и душу
Ахматова Анна –	сковал паралич –
бело у виска –	И рвётся отчаянья

плач... или клич:	но лица без слёз.
-Соседи!..	А школьница Таня –
Где люди!..	характер не сник –
Ну, кто где там есть?!	Заносит все смерти
Ну, дайте ж!..	в бессмертный дневник.
Ну, дайте ж	На радио тоже
хоть что-то поесть!	голодная голь,
И нет уже мочи...	Но там и Вишневский,
Сойти бы с ума...	и Ольга Берггольц:
Какой уж тут “посох”?	Они поднимали
Какая “сума”? ⁹⁾	такой общий дух –
Нет! Надо всё ж выжить!..	От фрицев летели чтоб
За смертью – бдеть.	перья и пух.
Да, выжить! Что значит –	Для нашей победы –
врага победить.	такой долгожданной! –
Но мёрли,	Работал Совет,
как мухи (простите),	возглавлял его Жданов.
	Костями бы легли-
и вот	для сведенья концов
Уже крематорий	В блокаду –
кирпичный завод.	Капустин, Попков, Кузнецов
А сланец не хочет	(О них сотворили
гореть как мазут –	подлейшую ложь...
Ведь скорбный загруз	Затем расстреляли.
вагонетки везут.	То в спину был нож).
Через Неву,	Решали сложнейший
хоть и там шли бои,	вопрос из вопросов:
Летели –	Пробить сквозь блокаду окно –
спастись –	кровь из носа...
наутёк воробьи.	На Ладоге нет только
От истощенья –	линии фронта –
недолг полёт –	Во вражьих руках
Падали птицы,	только берега кромка:
как камни ,	На Землю большую
	здесь в тайне сверхстройгой
на лёд.	Решили устроить
Лютуют фашисты,	водою дорогу.
лютует мороз.	
Суровеют лица,	

Фон Лееб всё ждал
 Ленинграда паденье –
 На это нацеливал
 фюрер – подлец.
 125 миль –
 вот так-так совпадение!-
 От Ладоги Новой
 и в Осиновец.
 Нелёгкими были
 водою извозы,
 Но надо же:
 танки везли, паровозы,
 Оружье, продукты,
 эвакуолодей:
 Больных, стариков
 и, конечно, детей.
 И в сумме-
 за время короткое ОНО-
 Отправили аж
 полтора миллиона.
 По рельсам трамвайным,
 дымящая душка,
 Шустрит паровозик-
 малышка “Кукушка”.
 Всегда он предвестник
 благих новостей,
 А так ведь хотелось
 хороших вестей:
 “Ве-зу! Ку-ку!
 Ве-зу! Му-ку!
 И хлеба прибудет
 в “нашем полку”!”
 Но в городе тяжко,
 терпеть нет уж мочи.
 И надо пробить бы,
 дорогу короче.
 Ваганово – запад,

Кобона – восток, –
 Вот тут-то и надо б
 “прокинуть мосток”.
 Ваганово – слева,
 И вот уж по льду
 Ледовая трасса
 Мы знаем,
 на ней кто работал –
 не дрогнул.
 Спасеньем была.
 И бездонной могилой...
 Там много людей
 геройски погибло...
 И ныне,
 какое б ни плыло там судно,-
 На воду венок.
 Дань...
 О времени судном.
 Тиски лет блокады...
 Пошло уж на три...
 Прорвать бы извне,
 прорвать изнутри.
 Держались, мужались
 и силы копили.
 А немца, меж прочим,
 в хвост-гриву всё ж били.
 И вот Симоняк
 и сам Говоров ловко
 Сработали: штурм –
 и взята Дубровка!
 Сломали хребет
 ненавистному гаду –
 Прорвали,
 прорвали сплошную блокаду!

И взят Шлиссельбург-
 российский Орешек.
 Напрасно гадал фриц:
 орёл или решка.
 Не смог враг сдержать
 неудержный порыв,
 Не смог залатать он
 прореху-прорыв.
 В честь снятия блокады –
 победный салют!
 На Невском
 собрался ликующий люд.
 Объяты и радость –
 и всё ни по чём!
 И Лазарь вещает о том –
 Маграчев.¹⁰⁾

Захватчиков ждало
 забвенье и тлен.
 Удачлив был тот,
 русским сдался кто в плен.
 А коль кто жесток был,
 безжалостен, зол-
 Тому полагался
 осиновый кол.
 Когда-то Пётр I
 всерьёз хвалил шведа-
 Прочувствовать дал,
 что такое Победа.
 Фашист оказался
 отменным воякой,
 То
 к роли его
 отношенья двойко:
 Бежал он, как швед,
 аж штаны засучил,
 Однако он нас
 воевать подучил.

Теперь кто-то скажет,
 что чушь это, мол, -
 Сплотили всех партия
 и комсомол.
 Ещё своё мненье
 скажу вам я, Гена -
 Сплотили всех
 наши славянские гены.
 Точнее – наш русский
 великий народ:
 К Победе над зверем
 он вёл всех вперёд,
 Он бремя войны
 на плечах своих нёс.
 И Вождь
 первый тост
 за него произнёс!

Герой – кто и выжил,
 и тот, кто погиб.
 О них повествует в веках
 Память-гид.
 Музеи и фильмы,
 и тысячи книг
 Сполна
 ни-ког-да не расскажут о них...
 Тем более -
 мой доморощенный стих.
 Ведь ум человеческий
 то не постиг,
 Как против чумы
 удалось устоять
 И орды нашествия
 мощно гнать вспять,
 И в логове Зверя
 его ж удавить.
 Преступным зачинщикам – суд.
 И казнить.

И вышло по вере:

смерть смертью поправ.
А всё потому,
что народ наш был прав.
Хоть Подвиг
тушует
мещанский наш быт-
“Ничто не забыто!

Никто не забыт!”
Простите солдаты,
Герои-бойцы.
Простите нас деды
и наши отцы.
Всех помним.
По следу – войны той - копыт,
Безвестных ища,
идёт следопыт.
Я кланяюсь низко вам,
сёстры войны,
Блокады,
страданий (без солнца, луны,
В убежищах тусклых –
безрадостный пир).
Вы выжили,
вы сохранили нам мир.
Спасибо вам, сёстры,
что с нами вы есть.

И я отдаю вам
гражданскую честь.
Всё было давно,
но как будто вчера...
Давайте же крикнем
все дружно : “У-ра!”

Примечания:

- 1.Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В августе 1950 г. расстрелян, якобы за сдачу во время ВОВ городов Керчь и Ростов. В 1957 г. реабилитирован.
- 2.Описано в книге “Блокада” А.Б. Чаковского.
- 3.В день начала 2-й мировой войны 1 сентября 1939 г. небольшое число плохо вооружённых польских патриотов несколько часов обороняло почту.
- 4.”Большая Берта “ – немецкая 420-мм. мортира.
- 5.Немецкие зажигательные авиабомбы. Взрослые и старшие ребята дежурили на крышах домов и баграми сбрасывали их на землю.

- 6.Композитор Свиридов Георгий Васильевич.
- 7.Пистолет-пулемёт Шпагина ППШ-41, разработан в 1940 году.
- 8.Дмитрий Дмитриевич Шестакович – композитор.
- 9.Не дай мне Бог сойти с ума... Стихотворение А.С. Пушкина.
- 10.Маграчёв Лазарь Ефимович – ленинградский радиокорреспондент.
Санкт-Петербург, 2014 год

Память о блокаде

С талоном блокадным
шёл мальчик – за хлебом...
В тот час подвело
беззащитное небо –
Взорвался фугас,
и разорвано тело...
Немец! Ублюдок!
Что ж ты наделал?!

Беду испытал не один –
миллионы.
Время трагичное
сделалось Оно...
Но ту кровавую
смертную замять
Будет земная
хранить вечно Память.

Взглядом окиньте:
вдали или близко
То монументы,
тоobeliski.
Родина – мать
на Пискаревке,
Музей – панорама
в Невской Дубровке.

Площадь Победы.
В Пулковое - пушки,
В Автово – танк:
детям – “игрушки”...
Лиговки берегом,
память лелея,
Стройных берёзок
Славы аллея.

В Парке Победы
зрим вагонетку:
Тысячей прах здесь –
канули в Лету...
Надпись на Невском –
написано краской:
“Здесь при обстреле
ходить опасно!”

Как в карауле,

недвижно и строго,
 Стоят верстовые –
 жизни Дорога.
 У жизни Цветка
 дневник бедной Тани –
 Сердце щемить
 не перестанет...

Венки на Ладоге
 плывут и не тонут:
 Сотни на дне
 полуторатонок...
 На хладных берегах-
 Кольцо на разрыве
 И Вечный огонь –
 о блокады прорыве.

Увы, на Земле
 не исчезла война...
 Опасные козни
 творит сатана.
 Война не окончена,
 слышишь, мальчишка?!
 Только бывает
 порой передышка...

Всяческих санкций
 плетут паутину,
 Может весь мир
 засосать эта тина.
 Вот потому-то
 надо нам бдеть,
 Чтоб Мировую
 не дать возродить.

Снова блокады
 тянется нить...
 Нам не пристало
 в трудностях ныть.
 Нрав наш российский:
 чем больше нас жмут –
 Крепче сплетаемся
 в прочный мы жгут.

Верой в Победу
 все годы мы жили,
 Жизни дорогу
 в Мир проложили.
 Воин советский
 стоит в Трептов-парке,
 Карающий меч
 в свастики сварке.

Немецкая Mädchen
 на левой руке...
 Кто это видел –
 кровь билась в виске...

Невольно ладонь
 сжималась в кулак...
 Так было,
 так есть,
 всегда будет так!
 Январь 2017 года. Г. С-Петербург.

Нескончаемая Дорога жизни.
 (О девушке Вере и мальчишке с книжкой)¹.

Война --
 вдруг! –
 обрушилась...
 Враг был неистов.
 Учиться направили
 в школу юристов,
 что в Вологде,
 девушку из Белозерска –
 судить чтоб фашистов
 за дикие зверства.

Она же была не тихоня,
 а шкода:
 “ Во время такое! –
 в тылу быть три года?!”-
 Она записалась
 на Ладоги трассу,
 доступной уже
 и немецкому ассу.

И сходу
 попал эшелон под бомбёжку.
 Не всем удалось уцелеть –
 даже в лёжку...
 Потом начались
 сверхтяжёлые будни...
 Потомки,
 давайте о том не забудем.

С Кобоны –
 суда день и ночь разгружали.
 Туда –
 стариков и детей провожали.
 Порой с ног валились,
 но сдаться нельзя:
 что скажет начальство,
 что скажут друзья?

Однажды
 увидела Вера мальчишку:
 чуть жив.
 Прижимал он под мышкою книжку...
 На баржу его проводила –
 до места.
 Сказать так об этом
 едва ли уместно.

Дошла ли та баржа
 тот раз до Кобоны?..

Артур Вахитов

Иль враг потопил –
под смертельные стоны?..
Об этом, конечно,
она знать не знала,
лишь часто,
во сне видя,
ночью стонала.

Разбили врага.
И ушло лихолетье.
Шли годы.
Сложились они в долготье.
Но будто бы в юности –
бодрствует Вера.
Её не берёт
никакая холера.

Она вся в заботах –
не может жить равно:
теперь уж не Вера,
а Вера Петровна –
Совет возглавляет она –
ветеранов –
и чуткостью лечит
душевные раны.

Однажды
поэт приглашён был на встречу.
Готовилась Вера
к приветственной речи.

Увидев поэта,
она обомлела:
«Так это ж тот мальчик! –
душа в ком чуть тлела...»

В порыве
она,
не боясь неприятя,
поэта
тотчас
заклонила в объятия
и долго держала,
как счастье на блюде...
Пока,
всё поняв,
не захлопали люди.

1. Сюжет стихотворения подсказала статья Андрея Сергеева в газете «Петербургский дневник» за 23 ноября 2020 года: «Как во сне... Вокруг взрывы, фонтаны из грязи и муки», в которой рассказано о Вере Рябининой, возглавляющей совет ветеранов «Дороги жизни», по инициативе которого день 22 ноября – начала работы ладожской ледовой Дороги жизни – внесён в перечень памятных дат Санкт – Петербурга и в 2020 году отмечался впервые.
СПб, 26 января 2021 года.

Родился 3 февраля 1978 года в г. Магнитогорск Челябинской области. Закончил школу, поступил в институт (на строительный факультет Магнитогорского Государственного института им. Г.И. Носова), но учиться пришлось в академии, а заканчивать университет! Такие были времена. ВУЗЫ меняли вывески, ничего не меняя в системе обучения.

Стихи начал писать еще в школе. Так получилось, что попал в культурологический класс, где в программу обучения входили уроки стихосложения. Запомнился экспромт учителя, проводившего эти уроки:

Луна – кусочек мыла;
Собака выла, выла...
Трактор в поле тыр-тыр-тыр,
Люди борются за мир!

Сразу после университета пошел работать на градообразующее предприятие – Магнитогорский металлургический комбинат, где проработал 12 лет. За это время сделал неплохую карьеру – от инженера до руководителя отдела по организации ремонтов зданий и сооружений.

Воспитываю сына и дочь. 20 лет увлекаюсь баскетболом и волейболом. Играю в шахматы и на бильярде.

В 2012 году переехал с семьей в **Санкт-Петербург**. В городе на Неве устроился на Кировский завод, где написал несколько песен о заводе и его людях. Тогда же меня

пригласили в заводское ЛИТО. Сейчас
 работаю в другом месте, но с большим
 удовольствием посещаю собрания ЛИТО.
 Иногда пишу стихи и песни о своей жизни.

Иришка, Андрюшка и Питер

Играли когда-то в игрушки
 Иришка с Андрюшкой.
 Он где-то под Оренбургом, она в Алма-Ате;
 Читали родители книжки,
 Андрюшке с Иришкой.

А книжки были тогда о доброте!

Поэтому город на Неве поселился в его и ее
 голове...

А после их не отпустил...

Этот город непростой, всех пускает он на
 постой!

А оставляет лишь тех, кого полюбил!

Это город ветров и дождей,

Город, что вдохновляет людей,

И пусть он бывает, мрачен порой, -

В этом граде Святого Петра

Всем хватит света и добра,

Санкт – Петербург – город Герой!

Сегодня уже не подружка

Иринка, Андрюшке.

В прошлом оставлен раздумья сумрачный груз;

Красавцы, как будто то с картинки

Андрюшка с Иринкой!

И Питер конечно венчает этот союз!

Не зря этот город на Неве поселился в его и ее
 голове...

А после уж не отпустил...

Этот город непростой, всех пускает он на
 постой!

А оставляет лишь тех, кого полюбил!

Это город ветров и дождей,

Город, что вдохновляет люде,

И пусть он бывает, мрачен порой, -

В этом граде Святого Петра;

Всем хватит света и добра,

Санкт – Петербург – город Герой!

Играли когда-то в игрушки;

Иришка с Андрюшкой.

Он где-то под Оренбургом, она в Алма-Ате...

У каждой столицы своё лицо.

Им лица достались от их творцов,

И как у людей, у каждой - свой путь.

Прячется Питер за маской дворцов,

Пленяя собой наивных слепцов,

Романтиков, вечно ищущих жизни суть.

Москва покупает и продает,

Москва сегодня красиво живет,

Но за всё, в этой жизни нужно платить!

И даже если ты станешь богат,

Ты не переедешь из пробки на МКАД,

Ведь этот закон Сансары не изменить!

А... я этому очень рад!

Нельзя... сразу быть тут и там!

Придет Московский снегопад.

На смену Питерским дождям...

Так вот в общем-то мы и живем,

В храмы ходим и водку пьем,

Но только делайте выбор свой не спеша!

Москва или Питер? Добро или зло?

Северный холод иль юга тепло?

Почувствуй к чему стремится твоя душа!

А ...Он этому очень рад!
Нельзя... сразу быть тут и там!
Придет Московский снегопад.
На смену Питерским дождям...

Вы (по следам Окуджавы)

Я посижу на этих гранитных подмостках
И погляжусь в эти серые воды Невы.
Ах, как печально, истлела моя папироска,
И очень грустно, что рядом сидите не Вы!
* * *

И я побегу, по улицам мокрым и шумным
И задохнусь, где на плитах чугунные львы,
Много встречалось мне женщин красивых и
умных,
Но среди них почему-то не встретились Вы!
* * *

Мелькают по Невскому бледные лица
прохожих;
И вот кто-то мимо пройдет, не подняв головы,
Та же походка и волосы тоже похожи,
Я догоню, ... но это, снова не Вы!
* * *

И я побреду по улицам мокрым и шумным
И постою, где на плитах чугунные львы,
Много встречалось мне женщин веселых и
умных,
Но среди них почему-то не встретились Вы!
* * *

Друзья говорят мне, что жизнь проходит
никчемно,
И по парадной соседи в чем-то правы,
Я Вас не встретил в этом мире огромном,
Но в песни мои постоянно приходите Вы!
* * *

И я проползу по улицам мокрым и шумным,
И посижу, где на плитах чугунные львы,
Много встречалось мне женщин добрых и
умных,
Но среди них почему-то не встретились Вы...

Басня про медведя

К весне, лесные звери заскучали;
Собрались на полянке потрындеть.

Орлан сказал: "А где у нас медведь?
Лежит себе в берлоге без печали,
Доколе будем это мы терпеть?"

Сначала погалдели на опушке,
Потом спустились ближе, осмелев.
Под лозунгом: "Медведь давно не лев!"
К берлоге притащили погремушки,
А выход толстой палкой подперев.

Немного постучали в барабаны,
На одной ножке поскакали, всем гуртом;
Но их не отпускало, и потом,
Решили, надо бы найти барана
Бесстрашного. Чтобы вломился к мишке в
дом.

На роль барана, очень панда подходила,
Ее недолго уговаривать пришлось!
Но т.к. панда, далеко не лось,
С собой ей дали два куса тратила!
И понеслось...

Мораль понятна будет даже детям, -
Будить не стоит спящего медведя!

Опять дерутся племена туземцев,
А дядя Сэм, с семьей, глядит на них с горы...
До слез обидно, жалко иноземцам,
Что поострее не раздали топоры!

Тогда бы дело спорилось скорее,
Потом ведь нужно еще джунгли вырубать...
А там, на очереди племена в Корее!
Да и Китайцы расплодились... иху мать!

Невпроворот делов у дяди Сэма, -
Того подмазать, этого сподить...
Без усталости работает система!
Чтоб Настоящим людям лучше было жить!

Вы где успели майдануться,
Мои вчерашние друзья?
И что вам нужно, чтоб вернуться,
Из гейропейского вранья?
Ведь родились мы при Союзе;
В одном дворе пинали мяч.

Потом в одном учились ВУЗе;
Откуда в вас весь этот с**ч?
Забыли вы отцов заветы?
И стыдно русскими вам быть?
Как не поймете, что за это
Придется дорого платить!
За что деды горой стояли?
За Правду, Землю и Родню.
А вы всё это променяли
На западную болтовню!
Вы, как те самые индейцы,
Уставились на нитку бус.
А в это время европейцы
Стирают с карты слово "Рус"!
На историческом излете,
Когда сравнивают города,
Вы всё внезапно вдруг поймете...
Но будет поздно, господа!

Сергей Сметанин

Сметанин Сергей Егорович, 1952 года рождения, из Башкирской АССР, окончил среднюю школу в г. Омске, университет в Уфе, тридцать лет проработал в Сургуте, более 10 лет руководил литературным объединением "Северный огонёк", член Союза писателей России с 1995 года, автор первой русской гипертекстовой поэмы "1966. Поэма о первой любви", книги "Лирика для всех", посвящённой практической поэтике и многих других литературных произведений. С 2008 года живу в Санкт-Петербурге в Красносельском районе.

После представления

Сколько впечатлений! Сколько звезд!
Сколько отражений перед нами!
Снова через жизнь, как через мост,
Я пройду неспешными шагами...

Кину взгляд в изведанную тьму,
Где ворчат ленивые колёса
И занятно даже самому —
Почему для правды нет вопроса?

Жизнь так откровенно хороша,
Ты так хороша неизъяснимо.
Отчего же сердце так ранимо?
Так болит бессмертная душа?

Загадка Джоконды

Я вижу каждый день улыбки счастья,
Букеты гладиолусов и роз.
И бабочкой садиться на запястье
Боится наступающий мороз.

Чуть веки отворю навстречу солнцу,
Вновь чудится за радугой ресниц:
Опять следит Джоконда у оконца
За бегом современных колесниц.

Ей за двоих томительно и сладко.
А я из тех, кто дорого бы дал,
Чтоб отгадать великую загадку,
Которую художник загадал.

Мне чувство неизвестности знакомо,
И радость обретения родных.
Ведь я живу у старого роддома
И счастлив за здоровых и живых.

Как умирают коммунисты

В простых квартирах умирают коммунисты.
Не в битве века — от болезней вековых.
Обои вытерты. Простынки в меру чисты.
Внук заглянул и — звон раздался и затих...

Мечтали в юности попасть на баррикады,
А здесь: то капельница, то с микстурой чай!
Эх, коммунисты, где лучи былой бравады?
Где те высоты, что вы брали невзначай?

Где ваши замыслы, модели и медали?
В глухом углу — ни паутины, ни добра.
Не накопили. Не свершили. Не добрали.

Не дотянули «Подмосковны вечера».

— В грехах покаяться? Попу? Да отвяжись,
ты!
Неси-ка «Правду». Скоро ль канет враг в
овраг? —
Непобеждённо умирают коммунисты,
И ждут — в оконце замаячит алый флаг!

Мартовский снегопад на пр. Ветеранов

Печальный, плотный снегопад
На город наш летит,
Автомобили встали в ряд,
Сугробов грустен вид.

Большой, многоэтажный дом
Таинственен на взгляд.
В нём окна тронуты желтком,
Как будто в рай парят.

Всё снег и снег. Ни ветерка!
Как в цирке, как в кино.
Дома, деревья, облака,
Всё в сущности — одно.

Как будто в космосе пути
Вдруг начаты с нуля.
Здесь не Япония, трясоти
Не будет нас земля.

Не покачнутся этажи
От воя за окном.
Не напугаются бомжи,
Мешая снег с вином,

Минуту, вечность, год подряд,
Хоть пой, хоть плачь навзрыд:
Густой, вселенский снегопад
На дворик наш летит.

Школьная диалектика

Во мне живут художник и философ.
Для них в любой момент полно вопросов.
И мне, признаюсь честно, очень нужно,
Чтоб жили-поживали оба дружно.

Художник любит холст и кисть, и шпатель,
Летающий миг для мастера — приятель.
Он солнца луч за хвост искусно ловит
И жизнь ему повторную готовит.

Философ знает, что такое вечность —
Сама забота, и сама беспечность!
И без большого замысла впустую
Народу я посланья адресую.

Ночной дворик в Санкт-Петербурге

Здесь миг любой неповторим.
Здесь космос шастает по крышам.
Здесь мы историю творим
Уж тем одним, что ждём и дышим.

Я верю — полная луна
С намёком скрадена туманом,
И часть двора озарена
Чуть розовеющим шафраном.

Спешу смотреть на звёзды те,
Пока не вызрела беспечность.
Иду навстречу темноте,
Сквозь душу пропускаю вечность.

Надежда Радченко

Я уеду к тебе, Ленинград...

Я уеду к тебе, Ленинград,
Убегу от тревог и печали,
Где дома пожилые стоят,
Подпирая друг друга плечами,
Где седые туманы парят,
Где "Аврора" грустит на причале,

Где осенние парки горят
Под последними солнца лучами,
Где когда-то, полжизни назад,
Вместе белые ночи встречали.

Ленинград, Петербург, Петроград,
Мы с тобой друг по другу скучали

Чтобы вернуться

Город дворцов и дворов-колодцев,
Город роскошества и нищеты,
Мой Петербург, как тебе живётся
В нынешний век суеты-маеты?

Тих ли ты, будто вода в канале,
Или бурлив, как в Неве вода?
Пусть обойдут стороной печали,
Пусть не настигнет тебя беда.

Город великих стихов и прозы,
Город, умеющий вдохновлять,
Я уезжаю и прячу слёзы,
Чтобы вернуться к тебе опять.

Люблю я бродить...

Люблю я бродить одиноко
Вдоль улиц, дождями залитых,
Где мокнут ампир и барокко,
Их портики и ризалиты,

Где легкою кисточкой осень
Рисует свои акварели
В роскошном соавторстве с России,
Трезини, Кваренги, Растрелли,

Где ветер сквозит без пощады,
Неве в берегах её тесно,
Где Фельтеновская ограда
Всё так же строга и чудесна.

Зимний вид на Английскую набережную

Здесь всё, что в памяти хранит
Любой, кто в Петербург влюблён:
Седой от инея гранит,
Палящий купол, строй колонн,

В морозной дымке лёд Невы,
Могучий Пётр на коне,
Под снегом дремлющие львы -
Всё, что так греет душу мне.

На острова

Заморожена голова,
Человеческий мир несносен.
Мы уедем на острова,
Где сейчас хороводит осень.

Пусть задумчивая Нева
Отразит золотые парки.
Мы уедем на острова,
Да не спутают нити Парки!

Будет что-то шептать листва,
Будет лебедь глядеться в воду.
Мы уедем на острова,
Хоть на день обретём свободу.

И забудем, что есть Москва,
Напряжение тревожных буден.
Мы уедем на острова,
Хоть на день обо всем забудем.

Даже если я не права
И спасти нас не может это,
Мы уедем на острова.
Хоть помянем былое лето.

Этот город

Предрассветные мгновенья тихи,
Петербург сейчас похож на офорт.
Этот город превозносит стихи
И с презрением глядит на комфорт.

В этом городе дожди и туман
И пускай твердят, что климат суров,
У меня с ним бесконечный роман,
С этим городом балтийских ветров.

В этом городе живые дома,
А над ними словно парус – рассвет.
Я иду, куда – не знаю сама,
Мне сейчас ни до чего дела нет.

Погружаюсь вглубь его перспектив,
Пусть ведёт меня, куда хочет сам.
И уносит он меня, подхватив,
И взмываю я душой к небесам.

Питер, позволю...

Питер!
Позволь мне остаться с тобой!
Стань мне прибежищем,
Кровом, судьбой.
Дай мне смешаться с твоими людьми,
Влажным туманом меня обними.

Я в переулках твоих закружусь
И в лабиринте дворов заблужусь.
Стану я вечно голодным котом,
Сломанной веткой, опавшим листом,

Мокрым булыжником на мостовой,
Бледной травинкою, еле живой,
Солнечным бликом на серой стене,
Тенью улыбки в вечернем окне.

Стану делить с тобой радость и боль...
Только с тобою остаться позволю!

Хочешь, тоску на меня навевай
И бесконечным дождём обливай,
С ног меня ветром балтийским сдувай...
Только Москве меня не выдавай!

Туристка

Закругляется Фонтанка
От Невы и до Невы.
Я сегодня – иностранка
Из чужой страны – Москвы.

Здесь инкогнито побуду.
В переулках закружусь.
У Пржевальского с верблюдом
На минутку задержусь.

Потеку проспектом Невским
В свой гостиничный постой.
Не особой королевской,

А туристкою простой.

Пробежусь по Эрмитажу.
Сфинксам сделаю визит.
По загравкам львов поглажу –
Всех, чтоб не было обид.

Потолкаюсь на Дворцовой,
Помелькаю у Сенной...
И в Москву уеду снова,
Мне не ставшую родной.

Дорога из Финляндии

Переехали границу,
Возвращаемся домой
К нашей северной столице
Нашей северной зимой.

Мёрзнут в мареве мороза
Перелески и поля,
Мёрзнут русские берёзы,
Сосны, ели, тополя.

Мёрзнут реки, буераки,
Придорожные кусты.
Мёрзнут избы и бараки,
И бродячие собаки,
И могильные кресты.

Мёрзнут люди, звери, птицы,
Мёрзнут тело и душа.
Дым над крышами клубится.
В холод северной столицы
Наш автобус мчится, мчится,
Тихо шинами шурша.

Зимний Атлант

В зимний питерский холод Атланту худо:
Не расправить облупленных мёрзлых плеч,
Угрожают морские ветра простудой,
И сосульки висят, как дамоклов меч.

Хмурый день не намного светлее ночи,
Пробегают прохожий, по льду скользя,
Даже камень такая погода точит.
Но Атланту покинуть свой пост нельзя!

Без него упадут городские своды,
Устремится свинцовое небо вниз.
Потому он, сквозь годы и непогоды,
Продолжает держать на плечах карниз.

День рождения Петербурга

Всем на зависть, на заглядение
Как он свеж, как наряден с утра.
В этот день отмечает рождение
Нестареющий город Петра!

У Исакия скверик сиреневый,
Приосанились сфинксы и львы.
И ветра необычно свирелевы
Над серебряной рябью Невы.

Над ростральными пламя полощется.
Как стремительна майская ночь!
И бурлят оживлённые площади,
И домой возвращаться невмочь.

Три Ангела

Взмывает над людскою суетой
Подобный солнцу ангел золотой.
Слегка склонив кудрявую главу,
Серебряный взирает на Неву.
А бронзовый колонну увенчал -
Непобедим, прекрасен, величав.
Встречая грудью время и ветра,
Хранят они надёжно град Петра.

Туманное утро

Листья падают на гранит,
И туман, словно полог, стелется.
Осень тайны свои хранит,
Осень верит: все перемелется.

Пропадает Нева, как Стикс,
В дымке матовой бесконечности.
А над ней величавый сфинкс -
Неподкупный хранитель Вечности.

Памяти Романа Шустрова

С моря тянет промозглой пылью,
Дождь по крышам колотит гулко.

Опустил утомлённо крылья
Ангел города Петербурга.

Отпуск ангелу не положен,
Нет ни сна ему, ни покоя.
Просто, если не он, то кто же?
Назначение его такое,

Что во всякое время года,
В дождь и ветер, жару и холод,
От невзгод, от причуд природы
Он обязан хранить свой город.

Дождь по крышам колотит гулко,
С моря тянет промозглой пылью.
Ангел кружит над Петербургом,
Простирая над нами крылья.

Питер VS Москва

Когда в Санкт-Петербурге я жила,
Чай из бокала с пышками пила.
Взяв по дороге гречи в магазине,
В парадное вплывала, как графиня.
На улице шаверма продавалась.
А лавочка скамейкой называлась...

Потом я переехала в Москву –
Давно уже в подъезде я живу.
И покупаю курицу, не куру.
Хожу для равновесья по бордюру.
А пончик запиваю кружкой чая...
Но всё равно по Питеру скучаю!

В Москве Нескучный, в Петербурге Летний,
Вы мой причал и якорь мой последний.
В душе моей навеки неразлучны
Два эти сада - Летний и Нескучный.

Но трудно Красной площади суровой
Равняться с утончённою Дворцовой.
А глядя на кичливую Тверскую,
Я по живому Невскому тоскую.

Великолепный Петербург

О, мой великолепный Петербург!
Ты - словно непрочитанная книга,
Игра теней, огней, цветов и бликов,
И музыка, ласкающая слух.

Ты – площадей торжественных кантата,
Симфония изысканных дворцов,
Прямых проспектов строгая соната,
Сюита скверов, парков и садов,
Бульваров, рек, мостов и островов...

Ты - бисер рассыпной звенящих слов,
Который гулким эхом отдается
Во чреве глухо замкнутых колодцев
И в лабиринтах проходных дворов.
Ты весь - изящное созвучье рифм.
И безупречен слог, и чётко ритм.

Ты соткан весь из музыки и снов,
Скульптуры, акварелей и стихов!
Тобою восхищаться буду вечно,
Твоим движением - вольным, бесконечным -
Сквозь пелену туманов и веков.

Здание Академии наук

Блуждая по улицам сонным,
Приду я однажды опять
Под строгие эти колонны,
Где так я любила гулять.

Они отразились шеренгой
В мерцающем зеркале вод.
Творенье Джакомо Кваренги
В Неве, словно в небе, плывёт.

Без видимых вроде усилий
Классически в нём воплощен
Изысканной строгостью линий
Симметрии чёткой закон.

Я здесь отдыхаю душою,
Влечёт, как магнитом, мой взгляд
Изящной своей простотою
Его лаконичный фасад.

Осенняя мистерия

Фонари, как промокшие пугала,
Замигали: "Не было б хуже!"
У Исаакя сразу два купола
Отразились - в небе и в лужах.

Там, где невиские воды вспучились
В споре вечном своём с гранитом,
Где на пристани львы насупились
И испуганно, и сердито,

Там, где ангел над крепостью светится,
Словно лучик надежды бледный,
Там с коня потихоньку спешился
Мрачным призраком Всадник Медный...

Выпускное Петербургское

Сегодня стали взрослыми ребята,
Закончен наш одиннадцатый класс.
И уплывает детство вдаль куда-то
Под парусами алыми от нас.

Мосты ему объятья раскрывают.
Закат сменяет сразу же рассвет.
А детство уплывает, уплывает...
А мы ему прощально машем вслед.

Окрасилась Нева под залп салюта,
Искрится ярко-розово гранит.
И взрослость, надвигаясь ниоткуда,
Ещё покуда нас не тяготит.

Мы так гордимся взрослостью своею.
А нам бы крикнуть: Погоди! Постой!..
На горизонте паруса алеют
И тают в легкой дымке золотой.

Блокада

Чёрное дуло блокадной ночи...
Холодно,
холодно,
холодно очень...
Вставлена вместо стекла
картонка...
Вместо соседнего дома -
воронка...

Поздно.

А мамы всё нет отчего-то...

Еле живая ушла на работу...

Есть очень хочется...

Страшно...

Темно...

Умер братишка мой...

Утром...

Давно...

Вышла вода...

Не дойти до реки...

Очень устал...

Сил уже никаких...

Ниточка жизни натянута тонко...

А на столе -

на отца похоронка...

Михаил Деев

Воскресенская набережная

Колючки проволоки,

Мёртвые цветы.

А через реку -

Мрачные Кресты,

Два сфинкса,

Словно символы отчаяния,

На постаментах

Замерли в молчании.

Не в силах смыть

Свинцовая река

Всю боль и скорбь,

Что с нами на века,

Года расстрелов, пыток, лагерей,

Проклятья жён, детей и матерей,

Зловещий дом,

Кровавые потоки

И горькие ахматовские строки.

Деев Михаил Сергеевич. 1937 – 2018. Член Совета ветеранов войны и труда ОАО «Кировский завод», член ЛИТО им. Николая Рубцова. ПРИЕХАЛ он в Ленинград в 1951 году из села Зайцево Тульской области. Окончил ремесленное училище, получив специальность наладчика токарных автоматов. А на Кировский завод судьба его привела в 1968-м, когда Михаила приняли в центрально-инструментальный цех гравером-градуировщиком. Потом трудился в других цехах, освоив самые разные специальности: был наладчиком, слесарем механосборочных работ, наждачником, термистом на ваннах и штамповщиком. Работал Михаил Сергеевич всегда добросовестно, используя богатейшие знания и опыт, которые перенял от асов производства. Среди его наград - знак «Ударник 9 пятилетки» и медаль «Ветеран труда». После выхода на пенсию сразу вступил в Совет ветеранов. Творческие таланты Михаил Сергеевич стал проявлять еще в детстве. Стихи начал писать в 10 лет, тогда же увлекся рисованием. Впоследствии окончил курсы журналистов. Много печатался, в том числе в «Кировце». Состоял в знаменитом ЛИТО «Нарвская застава», был лично знаком с Николаем Рубцовым. О встречах с ним Михаил Сергеевич ярко и образно рассказал коллегам по перу, участникам возрожденного заводского ЛИТО.

Солдату

Без суеты, спокойно, мирно
Жизнь предназначена для нас.
Но слышишь вдруг команду: "Смирно!",
И уж нарушен мирный час! .

И каждый миг, как на шарнире:
Крутись во всю, ведь ты - солдат!
Чтоб дети спали сладко в мире,
Своих снов можешь не видеть!

И всё ж когда-нибудь, когда-то
Народ земли покинет меч,
Не будет стражника-солдата,
Коль будет некого стеречь!

И вечно по команде: "Вольно!"
Вдруг это слово прозвучит.
Тогда и враг будет довольным.
Чтоб на планете мирно жить!

Наперекор судьбе

Наперекор судьбе лихой,
Идти вперёд без промедленья.
А если скажут: "Завтра в бой!"
Пускай смертельное сраженье !

Я не останусь в стороне,
Пусть по годам ушёл в отставку
И буду в адовом огне.
Но не согнуть меня в баранку!

Не раз горел, но побеждал,
Спасали все вот так Россию!
Пускай я инвалидом стал,
Но не скажу, что я бессилен!

И не ношу печальный вид
В любую мрачную погоду.
Я только в списках инвалид.
Душой России всегда годеи!

Только здесь...

Только здесь у нас, в России
Боевой народ такой!

Полунищие, босые.
Вдруг война: все сразу в бой!

Будут биться очумело,
А за что? Не знает сам!
Голодуха чтоб не съела,
Лучше сдаться бы врагам!

Нет, такая уж натура:
Все невзгоды претерпеть!
Понимай, с умом иль сдуру,
Вот за это умереть!

И живём мы не напрасно,
В той Россиюшке Родной!
Враг-чужой, о, как опасно!
Наш - смертельный, но он - свой!

Ленинградская блокада

Помнить вечно это надо,
Для живых - священный долг,
Ленинградскую Блокаду
Позабыть на миг не смог!

Помнить миг должны мы каждый
Девятьсот дней - то не миг.
Каждый миг для жизни важный:
Миг смертельный, стон и крик.

В каждом стоне - врагу мщенье,
В каждом крике - смерть врагу!
Стон смертельный - врагу мщенье,
На ходу и на бегу!

На бегу со смертной злобой,
Убегая, смерти вспять.
Жив остался и до гроба

Помни Славный Ленинград!

Но коль создал ты блокаду,
Смерти жди, она придёт.
Ленинградская Блокада
Вражью силу смертно бьёт!

Николаю Рубцову

От Нарвской заставы ты путь свой отмерь,
Где город стоит на Неве.
Где было немало удач и потерь,
Пока не осел ты в Москве.

И в каждой запевке ответственный жар
И жизни бегущая нить.
Ты - флотский, теперь заводской кочегар,
Умеешь тепло ты хранить.

До времени песен прервались слова,
И злоба настигла и рок.
Но ты заслужил на бессмертье права
Всей мудростью искренних строк.

Как жаль, что прожил очень мало,
Но твой остался мудрый стих,
Коль вся вселенная признала,
Что он полезен в каждый миг!

От слов - бесценного кристалла,
Душой, что Коля собирал,
Поклонников так много стало,
И даже враг хвалебным стал!

Юрий Алексеев (1947-2015)

Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. Историк. Сменил множество профессий — от гардеробщика до заместителя директора по научной работе в Екатерининском дворце (город Пушкин).

Стихи начал писать в 16 лет. Занимался в лито Татьяны Григорьевны Гнедич (1907—1976), в круг учеников которой входили многие известные поэты и переводчики, принадлежавшие к андеграундной, «самиздатовской» литературе Ленинграда 1970—1980-х годов.

В 1971 году, получил рекомендацию к изданию собственного сборника стихов в Лениздате, но книга так и не была издана. После этого он всегда писал «в стол», стихи читал на поэтических «квартирниках». Печататься стал только в 1990-е годы. Стихи Ю. Алексеева публиковались в антологии «У Голубой лагуны» (США), альманахе «Цветослов утешной столицы...» (Ленинград), «Царскосельской антологии» (Ленинград) и других поэтических сборниках. Наиболее полный сборник его стихов "Мы бежали по Невскому вверх" издан посмертно в издательстве "Калейдоскоп".

Искренность и органичность творчества делают его узнаваемым и отвечают критериям настоящей поэзии. Одним из программных стихов Ю. Алексеева, наиболее ярко отразившим ленинградское время «оттепели», надежд на свободное творчество, явилось стихотворение «Мы бежали по Невскому вверх...».

О чём хлопочет зимний сад,
Куда летят листья сухие?
Слышны чьи-то голоса,
Мелькают тени голубые
Прошедших вычурных времён,
Когда звучала здесь мазурка
И грациозный котильон.

Век девятнадцатый у нас
Имел особенные свойства...
Вот Александр Бенуа
Ведёт игрушечное войско
На площадь. Падает снежок,
Пищит фельдъегерский рожок,
В душе рождая беспокойство.

А где-то в поднебесной мгле,
Вертясь, как флюгер на игле,
Летит кораблик очумелый.
Летит, мерцая и светясь.
А мы тропой оледенелой
Спешим сквозь ветер матерясь,
Спешим, во мгле теряясь белой,

И снег летит со всех сторон,
И раздаётся вдруг трезвон:
Трамвай, пути не разбирая,
Летит. Дорожка ледяная
Блестит. Мелькает жёлтый свет
И вьётся вереница лет,
Позёмкой снежную играя,

Ужели новая зима
Колдует, сводит нас с ума,
Заводит музыку шарманки.
Сутулый месяц смотрит вниз,
Снежок ложится на карниз.

Над белой пустошью Фонтанки
Разбойный раздаётся свист —
Летят игрушечные санки.

За ними дни мои летят,
В саду серебряном теряясь,
В стекле зеркальном отражаясь,
Кружась в мазурке снеговой
Под злую музыку метели.
Не те ли бесы залетели
Сюда с дороги столбовой?

Ужели в каждом январе
Терпеть бесовские ужимки,
Листая белые картинки
В рождественском календаре.
Ужели каждой зимой
Корпеть над рифмою упрямой
Над неудачною строкой?

Оставлю, впрочем, всё как есть.
Не удаётся явно повесть
Умерьте, Муза, вашу спесь.
Всё было сделано на совесть.
Оставим... Новая зима
Распорядится всем сама,
А мы пойдём не беспокоясь.

Не беспокоясь ни о чём,
Мы сад светящийся пройдем,
Притихший после снегопада.
Вот знаменитая ограда...
Трёхгранный шпиль вдали блестит
И ангел трепетный летит,
расхожий символ Ленинграда.

*** Виктору Ширали

Мы бежали по Невскому вверх,
Распустив парусину одежды,
Мы бежали за общей надеждой —
Разделить её братски на всех.

Разделить на двоих — пополам —
Дымный призрак небесной свободы.
Этот шум, этот крик, эти своды...

Мы бежали как псы по следам
Нашей юности, наших утрат,
Наших женщин из общей постели.
Мы шагали, бежали, летели
Наудачу, вперёд, наугад.

Ни себя, ни любви, ни друзей,
Не жалея в азарте погони.
Наших судеб крылатые кони
Подминали случайных людей.

Пробовала себя в жанре эссеистики, писала
статьи о современных поэтах СПб.

Как некая константа бытия,
плыву в тумане питерского утра.
На мутных окнах тонкой пыли пудра,
не исчезающая от мытья.

Оксана Алексеева

[20.08.1969, Ленинград – 19.12.2020, Санкт-Петербург]— поэт, переводчик.

Выросла в Ленинграде, стихи начала писать в 1990 году.

С 2005 начала изучать немецкий язык, делала переводы.

Стихи и переводы Оксаны Алексеевой печатались в газете «Новый Петербург» (2006), альманахе «Мариенталь» (2006, 2007), ежегодном «Царскосельском альманахе» (2007, 2008, 2010, 2014), в сборнике «12 вечеров» (2015), журналах «Невский альманах.» (2017, 2018), «Сфинкс» (2018).

В 2013 выпустила книгу стихов и переводов с немецкого — «Живя в России».

С 2009 выступала в составе дуэта «Melodie des Herzens» (Марианна Соломко — фортепиано, гитара), исполняла песни на немецком языке.

Внизу — толкучка, быстрый бег машин,
и в ритме человеческого мира
эпохи дышат, Данте и Шекспира
сводя на Невский с неземных вершин.

Так, стало быть, возможен диалог —
не в комнате за книгой в переплёте,
а на свободе — той, что залпом пьёте
и ловите в мельканье рук и ног.

И в Доме Книги я хватаю том,
несу домой, в столетнюю квартиру,
чтобы прочесть, усвоить, а потом,
отдать толпе и разнести по миру.

Нечаянно увидеть красоту
на Карповке, на узеньком мосту:
дома, теснящиеся полукругом,
авто, несущиеся друг за другом,
а в доме Савиной начала века
услышать слабый голос человека,
как будто это Савина сама
читает пьесу «Горе от ума»,
и в сумраке роскошной Петроградки

листают пожелтевшие тетрадки.
И за гребцом проворного каное
узреть на глади вод совсем иное —
не будущего тёмный силуэт
и не слепящий душу горный свет,
а тихое, устойчивое счастье —
быть общей жизни непреложной частью.

Пробегаю по Съездовской, я вспоминаю тебя
и спускаюсь к Неве, разделяющей мёрзлые
веси.
Здесь когда-то гуляли мы, молодость втуне
губя,
глядя в серый заплаканный замкнутый круг
поднебесья.

Это ты подарила Васильевский с кланом
церквей,
загазованных улиц натужные мощные дышла.
Из-под стоп моей юности ветошью взвил
суховей
всё, что сбываться могло, но в конечном итоге не
вышло.

Мы с тобой отразимся в одну из бессмертных
минут
в зазеркалье витрин, безраздельно кофейных и
чайных, —
наши тени на это мгновенье случайно замрут
и останутся в них на века совершенно
случайно.

Виктор Берлин

Берлин Виктор Михайлович. Родился в 1934 г. в Ленинграде. В 1957 г. окончил Ленинградский Политехнический институт им. Калинина, работал инженером на Кировском заводе. Занимался в литературной студии Дворца Пионеров под руководством Г. С. Семенова, затем в ЛИТО Политехнического института, которым сначала также руководил Г. С. Семенов, позже Л. В. Мочалов. Публиковался в коллективных сборниках: "Первая встреча", выпуск второй, 1957 г.; "Голоса над Невой", I 1959 г.; альманах "Гнездо", Израиль, 1998 г. Состоит в ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода. Автор великолепных эпиграмм на злобу дня.

Из книги «СОБИРАЮ КРОХИ
стихи ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ и НЕ ТОЛЬКО»
Санкт – Петербург
2022

Вместо предисловия

1

Прошёл период шестилетний,
и с удивленьем рад признать:
моя «Последняя тетрадь»
вдруг оказалась не последней.

2

Последний год был год невзгод:
кошмарный зимний, тошный летний.
Идёт мой следующий год.
Последний?
Или не последней?

2021

Осенние миниатюры

В этом городе вечно
что-то падает с неба
Вера Френкель

Что сегодня падает с неба?
То ли хлопья дождя, то ли струи снега,
перемешанные разнонаправленными ветрами
с чёрной ноябрьской тьмой и
бесчисленными огнями

Я надвинул кепку на самые уши,
поднял воротник и спрятал горло.
Обхожу, если увижу, лужи.
Если не увижу, тону покорно.

У мороза и солнца поэтическая помпезность.
У весны - восторг и хлопоты возрождения.
Летняя жара прилипчива до раздражения.
Поздняя осень, несмотря
на старческую нелюбезность,
заслуживает понимания и снисхождения:
она в растерянности,
ей стыдно за свою бесполезность.
2020

Октябрь

Вечер

осенний, холодный, душный
над чёрным городом плакал растроганно.
А ветер
бездомный, больной, простуженный
тянулся к стенам, стучался в окна.

Но люди форточки плотней закрывали,
жались к радиаторам, топили печи,
грелись крепким чаем и проклинали
чёртову погоду, ненастный вечер.

Желтели фонари, тревожно мигая.
Стонали провода человеческим стоном.
Выли автомобили, собираясь в стаи.
Хохотали трамваи нервным звоном.

Ветер из Невы пил чёрную воду.
Страстно целовал липы отравленными
губами.

И звонкие листья теряли позолоту,
мёртвые падали на мокрый камень.

Тоскливо, будто из последней мочи,
издалека кричали паровозы.
У гордого неба выколоты очи,
из пустых глазниц льются чёрные слёзы.

А по стёклам мечутся пугливые тени.
Сумасшедшая вода с крыш бросается оземь.
Записная книжка. Ключки вдохновения.
Двенадцатый час. Октябрь. Осень.
1952

Зима

Я вышел на улицу. Вьюга метёт.
За снежной завесой - ни близи, ни дали.
И даже тропу, что с утра протоптали,
прищуренный глаз под ногой не найдёт.

Но как бы то ни было, надо идти.
Ступай же, скользи, спотыкайся, кряхти,
в подснежные наледи палкою стучай,
ругайся с собою и с чёртовой вьюгой
и злые стихи сочиняй на ходу.
Январь 2019

9 мая 1945 года

Далёкую, как детство, дату эту
с такой я вспоминаю стороны:
Народ, ликуя, праздновал победу.
А люди - окончание войны.
2019

К/Ф «Вий»

А силы бесовские божьих сильнее!
У них атаманшей красotka Варлей.
И в ужасе гибнет Хома Куравлёв
за чтением божественных немощных слов.

Протестное. Из прошлого

Перекошенные лица.
Впрочем, что тут странного?

Восемь пьяных бригадильцев
били просто пьяного
Наливались кровью вены,
зубы лязгали.
Люто били. Вдохновенно.
Били - праздновали.

И писала «Комсомолка»
о борьбе, о чувстве долга.
1958

Концерт для взрослых

И. Губерману
Будем пошлостью гордиться!
Гарантирован успех.
Чем похабней речь артиста,
тем счастливей женский смех.
2005

* * *

Память, детство оберегая,
мелочь одну не хочет стереть:
Коробка круглая жестяная,
на крышке - осётр, попавший в сеть.
А выше чёрным на голубом
слово-стихотворение
наркомпищепром.
Волшебное слово. Кажется, вздор.
Но чокнут на рифмах я с тех пор.
2020

Дефис

И, слава Б-гу
Распахнулась клетка
У всех у нас, наверно, шило в ж-пе.
Абрам Соббакевич. «Марине»

Полно загадок в каждой вере.
Вот, скажем, в слове «Бог» евреи
дефисом заменяют «о»,
совсем, как в неприличном слове.
Факт, примечательный в основе,
хоть и не значит ничего.
2005

Кровавая духовность

Не могу я постигнуть высокую мудрость
Корана.
Разве это духовность - публично зарезать
барана?
Правоверный! Любишься, как смачно беднягу
казнят:
Р-раз по горлу ножом! И отверста кровавая
рана.
2022

Закон «О защите чувств верующих»

Коль шепну: - «Не верю в Бога»,
на меня лишь глянут строго.
Мне бы крикнуть: - «Бога нет!!!»,
но тогда тюрьма в ответ.
2022

Парад (!)

На улице праздник. Ликует столица.
По площади войско проходит парадом.
Сияют мундиры. Торжественны лица.
Под ветром ни мускул не дрогнет, ни атом.

Внимаем чеканному, грозному топоту.
Любуемся каждым развёрнутым рядом.
Ну, где человекоподобному роботу
сравниться с машиноподобным солдатом!
2019

Торжество

Бомбардировщиков и ракет
ни у кого лучше наших нет!
А танков железная мощь и прыть!
С прочими и сравнить нельзя!
Сколько врагов мы можем убить!
Сколько разрушить всего и вся!

Когда надоест «в войнушку» игра
и человечество решит: пора
к самоуничтожению перейти,
то мы готовы быть впереди!
2018

Лозунг

Как хочется крикнуть, когда на экране

ученья, парады и прочая гадость:
- Солдаты всех стран, соединяйтесь!
Долой тех, кто хочет, чтоб вы умирали!
2019

На злобу дня

Никак в Украине война не кончается,
хотя регулярный гласит бюллетень,
что гибнут украинцы сотнями в день
О наших потерях не сообщается.
2022

Ното sapiens

До человека разумного мы так и не доросли.
Пока маршируют армии во всех уголках
земли,
пока потрясают хвастливо ракетными
кулаками,
пока восхваляют себя, других объявляя
врагами,
мы те же неандертальцы, звери из тёмного
леса,
несмотря на все чудеса технического
прогресса.
2020

Старость

Всю жизнь я молод был, друзья.
Откуда, к чёрту, эта старость?
Непроходящая усталость.
Того нельзя, сего нельзя.

Я раньше мог шагать, как лось:
легко, стремительно, помногу.
Теперь, на палку навалюсь,
таскаю немощную ногу.

Я по ночам будил жену,
и, боже мой, как чудно было!
Теперь один иду ко сну
и сплю, ворочаясь уныло.

Я жизнь работе отдавал.
Работал много, крепко, страстно.
Хватало брани и похвал.
Удач и неудач. Прекрасно!

Теперь порыв мой поутих.
С трудом качу свой камень в гору.
И мне давно стыдиться впору
сотрудниц преданных моих.

Жизнь будто треснула по шву
и с каждым днём всё больше рвётся.
Однако, я ещё живу
и буду жить, пока живётся.
2002

* * *

Не задавался никогда вопросом,
зачем родился, для чего живу.
И не считаю, что остался с носом,
доматывая жизни бечеву.

Я жил, как все: в геройских не был списках,
любил, работал, погружался в быт.
Как все, умру среди немногих близких
и буду скоро, как и все. забыт.

Никто моих не перевспомнит строчек
и прочих дел сотрётся след, увы.
А правнучки родят сынов дочек
для быта, для работы, для любви.
2012

* * *

Тихо живу между прошлыми и будущими
напастями.
Не о чем мечтать, но не с чем и сражаться.
Грядущее не обрадует какими-то новыми
счастьями.
В нынешнем спокойствии подольше бы
продержаться.
2009

Рассказание

Я написал о них стихи,
ехидные, обидные.
Глумясь, выпячивал грехи,
черты неблагоприятные.

С тех пор прошло немало лет,
и мне известно точно,
что им пришлось покинуть свет
в мучениях, досрочно.
А я, заносчивый поэт,
живу, как будто смерти нет.

И среди рифмованной трухи
в заброшенных тетрадах
мои надменные стихи
живут, и не убрать их.

Одна надежда греет грудь,
что в мире бестолковом
меня однажды кто-нибудь
недобрым вспомнит словом.
2019

Читая Марину Цветаеву Заметки на полях

От восхищенья слегка визжа,
прочёл у Цветаевой слово «жжа».
Деепричастие от «жечь».
О, великая русская речь!

Ещё споткнулся на слове «равн».
Краткое «равный», скорей всего.
Приём изысканно своенравн.
Охотно заимствую его.

Попытка перевода.
«Сню тебя». В переводе - «снишься мне».
Верней, захотела - и ты во сне
моём. Умолять - не мой резон.
«Снюсь тебе» - захотела, и я в твой сон.
2015

РУБРИКА ПРОЗА

Владимир Логинов

Прозаик, публицист. Родился в 1949 году в Иркутске. В 1961 переехал в Ленинград. Окончил электрофизический факультет ЛЭТИ. Более 30 лет отработал на Кировском заводе инженером, затем, менеджером в инжиниринговой компании. Освоил более двух десятков профессий: от инженера виброакустика до лектора и журналиста, от плотника до яхтсмена, от сплавщика леса до трейдера фондового рынка. Много путешествовал по стране и за рубежом от Камчатки до Парижа, от Мурманска до Неаполя. В молодости писал стихи, в зрелом возрасте: эссе, повести и рассказы. Публиковался в газетах и журналах, сборниках и альманахах. Лауреат и номинант нескольких литературных конкурсов. Автор 11 изданных книг. В настоящее время: пенсионер – литератор. Живет в Санкт – Петербурге.

Памятные места Питера

“Здесь
каждый дом
знаком, хоть
глаза завяжи
“

За многолетнюю жизнь в Ленинграде – Петербурге я исколесил город так, что, наверное, не осталось ни одной улицы, переулка, площади или проспекта, на которых не был. Но есть места, которые дороги особенно: в них в ожидании неслышно дремлет моя ностальгия. Именно она дает печальную радость о прошедшем, составляющем наше бесценное богатство; и без нее человек не способен на рефлексии, совершенствующую наши души. «Память - единственный рай, из которого нас не могут изгнать.» (Жан Поль).

Дорога жизни привела меня на юго-запад Петербурга, где среди таких же типовых собратьев стоит дом, в котором я живу. Изредка бываю на Петроградской стороне - и оказываюсь в Ленинграде шестидесятих годов ушедшего века. Сюда, в двойной двор на Большом проспекте меня возвращают воспоминания о славных юношеских годах, где под звуки радиол толкалась ребятня разных возрастов, играя в классики и настольный теннис, орлянку и пристенок. И вновь открываются двери двух магазинов: винного и фруктово - овощного, скрипят старые лифты, золотится шпиль Петропавловской крепости, и солнечный зайчик из тех простых и счастливых дней, отскочив от приоткрытого окна, прыгает в наше бешеное время.

«И опять во дворе нам пластика поет...»

Телебашня, - ее силуэт виден из любого района и большая часть жителей не представляет без нее города, но я с ней знаком со времен ее строительства: из коридора детской больницы почти каждый вечер смотрел на нее и радовался, что она становится все выше; и когда учился в ЛЭТИ, ежедневное соседство с ней повышало настроение и устремляло ввысь вместе с ее легкими ажурными конструкциями, особенно по утрам и вечерам зимой, когда сквозь белые хлопья снега она еще ярче светилась в своем разноцветном наряде.

Сейчас в этот район на Аптекарский остров меня заносит нечасто. Несколько лет назад была встреча выпускников электрофизического факультета ЛЭТИ. Пройдя вдоль решетки Ботанического сада, я вошел в старинные здания института. В высоченных бесконечных коридорах, уходящих под острыми и тупыми углами, на меня набросились какие-то тени из учебных лет. Они выходили из аудиторий и лабораторий, бросая книги, выбегали из библиотеки, просачивались сквозь стены, бесшумно открывали и закрывали двери. Здесь мы сдавали экзамены по электротехнике, там была лабораторная по физике, здесь целовались с однокурсницей, тут проходил коллоквиум по философии. Сама кафедра акустики располагалась в здании Спасо-Преображенской церкви, закрытой в 1930 году. Здесь была практически идеальная звукоизоляция. Более трех лет мы несколько раз в неделю учились в этих стенах, но сейчас от них исходил иной дух. И только ступеньки стоящего напротив третьего корпуса вновь вернули меня в ту вольную страну студенчества.

«А мы еще не старики, а мы студенты из ЛЭТИ...»

Орла на крыше дома № 10 Большого проспекта Петроградской стороны я впервые увидел, когда поступал в институт: он распростер свои мощные двухметровые крылья и смотрел одним своим зорким оком вдаль в сторону Кировского проспекта к Крестовскому острову, а другим вниз на прохожих и проезжающие машины. Все пять с половиной лет два раза в день мы виделись с ним, иногда он слегка улыбался, иногда щелкал клювом, но чаще оставался строгим и независимым. Я всегда был рад встрече с ним, да и он, со временем, по-дружески относился ко мне. После получения диплома мы стали видятся меньше, но даже в редкие минуты наших встреч его возвышенная поза оставалась символом уверенности в себе и стабильности в обществе, и я был очень опечален, когда после 1992 года он исчез, думаю, что перестройка и разгул бандитского капитализма в стране вряд ли ему понравился и он улетел.

Кинотеатр Великан был самым большим в Ленинграде, студенты и школьники Петроградской стороны его считали своим

“придворным“. На первом этаже сбоку от главного входа располагался штаб добровольной народной дружины, напротив стоял первый в Питере автобус – кафе с отличными сосисками и незабываемым пивом “Двойное золотое“, а с другой стороны театр им. Ленинского комсомола, в котором проходили осенние съезды студенческих строительных отрядов и комсомольские конференции.

Васильевский остров стал для меня вторым домом. Это также была территория моего отрочества и молодости, простиравшаяся от памятника Крузенштерну на набережной до Малого проспекта, от 6 до 15 линии. У памятника всемирно известному мореплавателю прогуливались вечерами жители Васильевского острова, целовались влюбленные парочки, курсанты из военноморского училища имени Фрунзе натирали ему перед выпуском пикантное место. Здесь мы проводили много времени: ели мороженое, играли в футбол, катались с горок, пробовали курить и пить портвейн 33 или три семерки, ходили в кино, встречались с девчонками, иногда дрались с такими же, как мы ватагами подростков и много – много болтали, смеялись и веселились.

Пять лет назад мы встретились здесь во дворе дома 24 на 11 линии с друзьями тех лет. Вошли в парадную и поднялись по лестнице, где жили мои двоюродные бабушки и один из нас. И вприпрыжку по ступенькам вновь бросились навстречу событиям, курьезные случаи, драки, поцелуи, споры, игры, ребята и девчата той поры.

И «... над бульварами Линий

По – ленинградскому синий

Вечер спустился опять».

Много моих тёплых воспоминаний и счастливых часов хранят городские парки Питера. Особенно ЦПКиО, - в отроческие, юношеские, студенческие и зрелые годы я множество раз бывал здесь: катание на лодках летом, финские сани и каток зимой, прогулки в любое время года, игры в пионерском лагере, работа в кочегарке. Помню парк полным разноголосьем людей и птиц воскресными днями, пустынным и холодным темными зимними ночами, ярко освещенным огнями

аллей и дворца, елочными украшениями и павильонами, укутанным звуками музыки танцевальных площадок, зимнего катка и летнего театра. И хотя со возрастом все реже и реже посещал я тенистые аллеи и пруды, все-таки ЦПКиО остается одним из моих самых любимых мест, также как парки Победы Приморский и Московский, такие диаметрально по расположению и такие близкие: пруды с чайками и утками, неповоротливые лодки, городки аттракционов, поющий под полозьями лёд катков, ароматная тень аллей и много беззаботных солнечных дней.

Стрельна, - первые выходы в Финский залив на яхте, строительство и отдых в профилактории, аллеи и мостики заброшенного парка, прогулки, соловьиные трели весной и таинство зимних сумерек. Проезжая сейчас на автомашине мимо президентского дворца на дачу в Ропшу невольно, хоть на несколько минут, сквозь неприступную решетку Государственного комплекса «Дворец конгрессов» мысли убегают во времена последней четверти XX века. Тогда Константиновский дворец был заброшен, но парк жил и был любимым местом для многих ленинградцев. Особенно для нас, работников Кировского завода, их родственников и приятелей.

Зимой: мощные коньки буера режут припорошенный снежком лед и яркое солнце с балтийским ветром сушит лицо; легкие лыжи бегут по дорожкам белого парка, скатываются по берегам каналов и прудов, взлетают на полуразрушенные мостики.

Летом: послушная рулевому яхта выходит от стенки клуба, пересекает морской канал и устремляется к старинным фортам; радостное шипенье пузырьков шампанского в бумажных стаканчиках влетает в гомон и смех дружных компаний на пляже.

В комфортабельных корпусах профилактория слышатся стуки кия в бильярдной, прыганье теннисных шариков, шум душа Шарко, звуки старого танго на танцах, а дразнящие ароматы ужина вкусной волной приливаются в парк и тонут в речках Стрелка и Кикенка.

В дорожках парков сокрыта магия продолжения пути и развилки путей. С годами память и чувства ослабевают, но

«Не забыть тебя, мой старый парк,

-Столько связано с тобою...»

Проходная Кировского завода - более тридцати лет каждое рабочее утро я входил в эти двери, за которыми радости, трудовые будни и победы, разочарования и выговоры, ночные дежурства и аккордные работы, споры и праздники, благодарности и товарищи. На завод я пришёл в августе 1971 года на преддипломную практику и был поражен его размерами, размахом производства. Десятки тысяч людей трудились здесь, на территории цвели сады, работало много столовых, была поликлиника. Элита конструкторов, технологов, инженеров и рабочих работала в современных цехах, используя новейшую технику и технологии.

Преимущества социализма здесь были налицо: высокий материальный уровень рабочих и ИТР, наличие домов отдыха и пансионатов, санатории, детские пионерские лагеря, профилакторий, яхт-клуб. Всё было доступно каждому и стоимость путёвок была совсем небольшая. Запомнились командировки по стране (от Петропавловска на Камчатке до Калининграда, от Новороссийска до Северодвинска), работа в колхозах на уборке урожая и в цехах при сдаче продукции.

Но главное – это много интересных, умных и порядочных людей. В те годы на заводе никто не отказывал в помощи, стремились подсказать и научить друг друга, была доброжелательная атмосфера. Перед большинством снимаю шляпу в знак уважения и признательности.

“Я не хочу судьбу иную...

Мне ни за что не променять

Ту заводскую проходную,

Что в люди вывела меня “

Ещё немало воспоминаний у меня связано с пространством вблизи перекрестка улиц Марата и Звенигородской. Именно здесь:

Нина Христианова

- в юношеские годы были прекрасные спектакли в ТЮЗе с Шурановой и Тараторкиным;

- располагался самый мощный проектно – конструкторский институт «Рубин», где создавались подводные лодки стратегического назначения;

- находился центральный офис инжиниринговой компании АДД;

- обосновался после переезда с Невского проспекта инвестиционный банк КИТ Финанс.

И сейчас, направляясь в Дом Писателя на Звенигородской, я невольно, хоть на несколько минут переношусь в те времена: прорабатываю технические решения снижения шумности АПЛ, курирую многочисленные проекты создания генерирующих мощностей, инвестирую в паевые фонды и акции.

В Питере, где «птичий гомон будит Летний сад, разминаются мосты кряхтя “есть еще несколько моих любимых мест.

Все же удивительно и странно – как именно то или иное место становится важным и потом возбуждает воспоминания. Кто играет здесь первую скрипку: судьба или случай?

Ностальгия приходит всегда неожиданно и не только, когда возвращаешься на места ушедших в прошлое событий. Ее может принести звуки песни, встреча со старым знакомым, просмотр фильма двадцатого века, забытый вкус запеченной бараньей ноги или конфет «кавказские».

С возрастом это чувство становится всё более избирательным. И растет понимание, что стремление вновь обрести эту утраченную гармонию с миром, ощущение внутренней целостности все более иллюзорно.

И вспоминаешь Оскара Уайльда:

«Какая прекрасная сегодня луна! - Да, но если бы вы видели ее до войны...»

Получила музыкальное образование, но литературу люблю с детства, она-моя такая же любовь, как и музыка, а может немножко больше. Литературное творчество приносит мне большое удовлетворение и вносит в мою жизнь смысл. С уважением. Нина Христианова (Кисляк). 1969 г.р. Псковская область, р. п. Плюсса.

*Петербургские записки
Выходные в городе.*

Ты ещё не проснулся, мой город. Не слышно скрежета трамваев, гудков машин, но откроешь окно и услышишь истинных певцов города. Птичья разноголосица приветствует восходящее солнце своим переливистым пением. Воздух свеж и прохладен, появляются первые утренние прохожие, а в магазин, напротив, привезли свежий, тёплый хлеб. Жители спального района только просыпаются, кто-то выносит мусор, а кто-то собирается на пробежку в близлежащий парк. Город оживает постепенно и по мере того, как он проснулся, всё меньше слышен птичий хор. Он конечно поёт, но за многоголосицей мегаполиса, его почти не слышно. Начинается утро.

Звуки города.

Они разные-звуки города. Заиграла губная гармошка, ей подыгрывают звуки домофонов и

телефонов, являющиеся естественными в разноликой многоголосице города. Голоса детей, они раздаются и эхом улетают куда-то в небо-звонкие, чистые, молодые, звенящие, окутывают дворы... Звуки двигающегося транспорта, гулкие и шумные... Где-то затормозила машина, скрежет её колёс слышен по всей округе, а где-то безуспешно заводят двигатель, он гулко звучит на одной ноте, протяжным и долгим звуком заголосила сирена... И кажется, это не кончится никогда, но приходит вечер и город звучит по-другому-приглушённо. Ночью, когда город зажигает свои огни, звуки становятся ненавязчивыми, как сама петербургская ночь. День утрачивает значение, как будто закрывается лёгкой занавеской и ночь, едва отличимая ото дня, но всё-таки отличимая, пьянеет и ласкает тебя лёгким ветерком и манит куда-то в сквер на скамеечку насладиться всей прелестью её свежего петербургского аромата.

Ночь в городе.

Ночь... Она спускается над городом так внезапно, что не замечаешь, как наступают сумерки, а потом и вовсе её чёрный силуэт закрывает собой весь город, ненадолго, потому, что через несколько часов уже начинает светать. Ночь-дама, которая скрывает под своей вуалью блеск прекрасных глаз, она ненавязчива, таинственна и быстро уходящая, как будто только приехав на бал, уже спешит обратно. Ночью все интонации приглушены полутонами и это придаёт ей особую лиричность. Гуляют влюблённые пары, по аллее парка промелькнёт ночной любитель покататься на электросамокате. Смех прохожих слышен через открытые окна, и он вместе с разряженным чистым воздухом бьёт наотмашь.

С этим последним ночным смехом, короткая ночь в городе закончилась.

Здравствуй, солнце!

Оно не сразу обозначит себя над многоэтажками. Солнце ещё не встало, но оно

уже проснулось и небо украшено многоцветием красок. Но солнца ещё нет... И вдруг... на небосводе начинает постепенно появляться и расширяться его лик. Чем больше солнца, тем всё ярче разгораются его лучи. Они становятся всё больше на горизонте, ослепляя небосвод. Нет ничего прекраснее картины, чем видеть, как над красотой рукотворной-большими домами проспекта встаёт красота нерукотворная, божественная и хочется воскликнуть: «О, моё солнце! «В этой торжественной картине нового дня есть вечный смысл бытия. Нет ничего удивительней в природе, чем встающее солнце на горизонте. Сколько раз наблюдала эту картину, привыкнуть к ней невозможно. Солнце-гигант, излучающий столько света и тепла, что его хватает на всех людей на планете Земля. Оно будет подниматься каждый день на небосводе и тогда, когда не будет меня и радовать людей своей необъятностью и красотой. Древнее светило, гори и не гасни над городом моей мечты, будь путеводной звездой для города, где белые ночи-давняя и узнаваемая примета. Будь звездой для города, где белые ночи стали визитной карточкой фестиваля, названного в их честь.

Фестиваль «Звёзды белых ночей»

Невозможное стало возможным. Нам достали билеты на Верди. Опера "Дон Карлос"-один из спектаклей фестиваля. Билеты, купленные за три дня до показа, в день спектакля стоили уже в три раза дороже. Но ещё дороже была та атмосфера, которая прошла через весь вечер. Атмосфера города с его каналами и плывущими по ним лодками, катерами и теплоходами. Морской, тёплый ветер, тянущийся прямо с Балтики, мягко и нежно окутывал тебя, когда наблюдаешь, как плывут водные суда. Наблюдающих возле Крюкова канала, через который старая сцена Мариинского театра соединяется с Мариинкой-2, было очень много. Но ещё больше было тех, кто с заветными билетами, на которых красовались три музыкальных

гордости нашей страны-Мариинский театр, Мариинский-2 (новая сцена) и Концертный зал, спешили в Мариинский-2 на большую оперу. Театральные фойе, выставки и большой зал отличались современным дизайном. Зал был создан по улучшенной системе акустики, где голоса певцов летят к зрителю. В этом удивительном зале, я поняла, что есть зритель, который любит высокое искусство оперы. Настоящий, интеллигентный, питерский, он прежде всего и создавал эту атмосферу счастья приближения к тебе большого искусства. Оформление и построение зала было выполнено в виде плавно спускающегося вниз амфитеатра к святой святым оперного действия-оркестровой яме и самой сцене. Публика рассаживалась и читала либретто. Но вот дают третий звонок. Гаснет свет...И... выходит он-маэстро Валерий Гергиев. Поворачиваясь к публике, он взмахом руки приветствует зрителей. Нам несказанно повезло с местами - мы сидим во втором ряду, посередине, перед нами нет никого. Ты воочию видишь Гергиева, дирижирующего оркестром, так близко, в каких-то двух метрах, смотришь на его макушку и думаешь: «А ведь тебе сегодня несказанно повезло». Маэстро дирижирует и ты понимаешь, что сейчас в двух метрах от тебя стоит легенда. Легенда, величина, равной, которой сейчас в музыкальном мире и среди отечественной, музыкальной элиты, нет. От присутствия этого факта ещё больше захватывает дух. Волшебство оперы. При первых звуках ясно, что солисты, хор и оркестр-экстра-класса. Прирастаешь к креслу и слушаешь большой шедевр великого Верди на полу дыхании, боясь пошевелиться. Оркестр и хор звучит мощно и величественно в этой "большой опере», которая идёт четыре часа с двумя антрактами. Солисты великолепны. Но об одной звезде, участвующей в этом спектакле, хочется сказать отдельно. Хибла Герзмава... Эта артистка тоже стала легендарной личностью. Её знают на многих музыкальных площадках мира, она

приехала на фестиваль и была очень счастлива тому, что поёт в этом звёздном, по составу, спектакле. Певица, стиль и манеру пения, которой, знатоки называют "бельканто". Хибла-это воплощение вкуса во всём, он не только в голосе небесной красоты и полётности, но и в повороте головы, осанке и её человеческой жизни. Никогда не была замечена в скандалах, потому она-настоящая звезда, знающая своё оперное ремесло от и до, супер-звезда во всём. Герзмава поёт и можно сказать только одно: "Браво, Хибла! Как это прекрасно!" В этой опере Верди есть всё-мрачное средневековье с фигурой Великого инквизитора, отголоски "чёрной легенды «казни отцом сына, но опера не была бы оперой, если бы в ней не было...любви. Оперное содержание не претендует на историческую достоверность и подлинность фактов. Любовь сама строит сюжет так, как ей заблагорассудится и в этом великий гений Верди прав. В оперу идут смотреть и слушать великую, гениальную музыку и наслаждаться. А наивысшее наслаждение получаешь, тогда, когда это происходит в Мариинском театре г. Санкт-Петербурга-самого прекрасного города на свете.

Одиночество в толпе и флейта

В суете большого города услышать голос одинокой флейты, как голос души, жаждущей покоя.

Музыка, прорывающаяся сквозь шум машин и гаджетов, где всё о`кей и нет проблем. Но проблема одиночества среди людей, наваливается на человека и давит своей неразрешимостью. Понять вторичность всего, остановиться и слушать музыку, которая прорывается сквозь толщу бетонных стен и раскалённых площадей. На минуту задержаться.... Может эта минута и есть самое главное для чего живёшь, остальное лишь приложение и оно вторично. Мегполис и одиночество...Пустыня, где вдруг появляется оазис счастья-музыка, как напоминание, что тебя слышали там и дали влаги из

живительного источника. Минута...и путник спасен. Музыка, которую нельзя купить ни за какие деньги. Потому, что она-спасение для твоей души, она пришла тогда, когда не ожидаешь, как попытка остановить мгновение и понять, как оно прекрасно. Ради таких минут живёшь, их не очень много, и они подарок от Бога. Возможность опомниться: для чего живём? Неужели мы живём только для материальных страстей? Помнить о той маленькой сущности, которая живёт в тебе, и которая с твоей смертью не умирает. Услышать в толпе чистый голос одинокой флейты, как голос души, вопиющей в пустыне современной реальности и понять, что этот голос, несмотря ни на что, услышан!

Он живёт, пока ты слышишь этот голоса вместе с ним живёшь и ты. Живешь, а не существуешь...Спасибо, музыкант! Твоя маленькая флейта, на которой ты выводил любимую мелодию, услышана. Играй, иначе без неё останется серая, бездушная, безлика масса большого суетливого города.

Услышьте голос одинокой флейты! Может быть это поёт ваша душа!?

Навигация.

Этой белой ночью, тёмная невяская волна взбунтуется, захлестнёт тебя, ударит размашисто своей тяжёлой ладонью, по ещё не остывшему за день, камню мраморной лестницы, где наверху расположился прекрасный питерский лев. Львы Санкт-Петербурга-это такая же примета города, как и сама навигация, как и Нева, которая своими волнами бьёт не церемонясь, да, так, что брызги летят во все стороны. Накатывает новая волна, потом ещё, ещё, ещё...Река бунтует и волнуется! Отчего? А потому, что началась навигация, разводят мосты. И потекли по великой реке суда-корабли, теплоходы, катера, лодочки. Вот летит по Неве водный мотоцикл. Его седок рассекает воду так, как будто всё время играет с судьбой, вот-вот и он с головой уйдёт под воду. Но нет. Вовремя затормозив и приглушив моторчик, он на секунду

останавливается, чтобы передохнуть, взять дыхание и снова вперёд за приключениями. Наверно здорово так колесить по водам великой реки и не бояться, рискуя тем, что волна может полностью поглотить тебя. Навигация. В этот день она проходила под знакомые всем мелодии "Города над вольной Невой", "Гимна великому городу «и музыку венских классиков. А суда плывут и плывут и в этом действии есть единение всех-смотрящих и плывущих. Как некий священный ритуал, где всё заранее известно, но от этого он не становится неинтересным...Финал с продолжением. Захватывающее зрелище, когда сразу много судов в едином потоке устремляются через разведённые мосты по Неве, под музыку, придающую действию, особый колорит и романтичность. Мосты, устремлённые в небо, как мосты к Отцу Небесному, символично дают понять, что Петербург-это город-небожитель и его охраняет Бог.

Мне не хотелось уходить
От невяских волн больших и сильных,
На память в сердце сохранить
Санкт-Петербург-звезду России.

Чайки! О чём вы кричите, чайки!

Почему так пронзительно кричите, вы-свободолюбивые птицы? Без вас Питер немислим! Привыкаешь к вашему истошному призыву и когда его долго нет, волнуешься-куда вы подевались?! Чайки, питерские чайки, в этом городе вы-символ его души. Господь специально вас придумал, чтобы самый прекрасный город на свете Санкт-Петербург не умер от тоски без вас! Данон слышит переливы и перезвоны разных птиц, карканье ворон, щебетание воробышков. Но только вы, стремительно уносящиеся далеко в небо, кометы, можете дать этому городу неповторимый, ни с чем не сравнимый шарм. Летите, крылатые вечные странники, ищущие свой парус, чтобы примостившись на нём на час, начать свой новый полёт. Летите, чайки!

Принесите мне на своих крыльях ветер с Балтики, неповторимый дух Невы и речной волны, дух великого города, вскормившего вас и сделавшего вас свободными, вольными птицами. Вы парите высоко в небе, чайки. Расскажите всем, как я люблю ваш город, свободный и вольный и такой же прекрасный, как вы. Самый лучший город на земле-Санкт-Петербург.

Город.

Что такое Санкт-Петербург?! Это город многоэтажек, мостов, магазинов и метро, где вечная толчея. Но толчея-это люди, массы людей. Вместе и по отдельности. Город-это его жители. В этом городе особый житель! Петербуржец! Кто такой петербуржец? Одним словом не определишь, но, если сказать образно-это явление! В истинном петербуржце виден свет его души. Он идёт от белых ночей, окутывающих летом этот город, от его храмов, уходящих куполами в небеса, от поэзии этого города, сквозящей во всём-в архитектуре, театрах, музеях, выставочных залах. Это свет неиссякаемой культуры Санкт-Петербурга. Он идёт от тех, кто отстоял город в блокаду в голодные годы ушедшей войны. Этот свет от горляющих в небе чаек и мраморных, бронзовых львов, примостившихся у оград. Этот свет идёт от Александрийского столпа и рассеивается на всю Дворцовую площадь. Петербуржец всегда с чувством собственного достоинства, иначе нельзя. Жить в этом городе, быть причастным к его жизни-вот это удача и счастье! Как ребёнок гордится своим уважаемым родителем, так и петербуржец гордится своим великим и прекрасным городом-древним и юным, современным и городом-музеем под открытым небом, разноликим городом своей судьбы, связавшим прошлое, настоящее и будущее. Городом, ради которого хочется жить и не жалко умереть, если придётся. Самым прекрасным городом на свете-Санкт-Петербургом.

Санкт-Петербург-город любви,
Чайки кричат нам об этом,
Санкт-Петербург, разведены
Напрочь мосты пред рассветом.

Санкт-Петербург, ветер с Невы
Нам принесёт безмятежность,
Санкт-Петербург, мы влюблены
Только б сберечь эту нежность.

Санкт-Петербург, новой волны
Ждём мы удар, бьющий камень,
Дерзкой волне, очень нужны
Вечные львы, что над нами.

Сколько б воде ни запрещать-
Волны так бьют и играют,
Нам никогда их не унять,
Сами они убегают.

Санкт-Петербург, верные львы
Службу несут здесь веками,
Город любви, нам помощи,
Соедини нас сердцами.

В городе-дожде.

Санкт-Петербург-город настроения. Здесь часто за день меняется погода, выглянувшее солнышко быстро сменит дождь и наоборот. Здесь нет стабильной погоды и вечная влажность, но может поэтому мы и любим этот город-наш Санкт-Петербург. Питер. Дождь... Он моросит по улочкам города и здесь он привычен. Днём, когда ничего не предвещало дождя, небо затянуло тучками и стало серым, пошёл дождь...И накрапывает, и всё больше..Город шумит и дождик шумит. Он тяжёлыми каплями отстукивает свой ритм по крышам и окнам. В этой музыке дождя есть что-то успокаивающее, убаюкивающее, если б не постоянное гудение машин, дождик можно было бы принять за своеобразную медитацию. Начинает проясняться и прохожие, спрятавшиеся под козырьками домов, постепенно выходят под успокаивающийся, заканчивающийся дождь. Он почти прошёл и оставил ощущение свежести и какой-то светлой радости. Простучал, пропел свою мелодию и теперь до нового дождя, который в Санкт-Петербурге может начаться снова очень быстро. Накатит уныние, открой окно и послушай дождь, его мелодию, его мерное постукивание. Он успокоит и омоет твою душу, а потом прогуляйся куда-нибудь в

парк. После дождя свежий и чистый воздуха город такой красивый и тогда ты поймёшь, что для счастья нужно так немного. Жить в самом прекрасном и удивительном городе - Санкт-Петербурге, гулять по его светлым улицам, вдыхать свежесть его воздуха после дождя и понять, что это и есть счастье.

Надежда Кузнецова

Надежда Леонидовна Кузнецова, Председатель секции драматургии Союза писателей Санкт-Петербурга, член Гильдии драматургов Санкт-Петербурга, Гильдии драматургов России, Российского творческого союза работников культуры, руководитель литобъединения Кировского завода. Образование: Новосибирский университет - исторический факультет и филологический факультет Семипалатинского пединститута. Автор девяти книг. Сборник рассказов «Питерские портреты» - вошел в лонг-лист премии им. Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» (2018), в шорт-лист премии им. Ф.Искандера (2018), в лонг-лист премии им. Ф.Абрамова «Чистая книга» (2019). Рассказ «Дядя Лёня» получил благодарность от Министерства машиностроения России за создание образа рабочего человека, а также за отражение работы Кировского завода во время блокады Ленинграда. Лауреат литературных конкурсов «Время драмы», юмористического рассказа

им. А.П.Чехова, «Мастерской драмы», Решетовского фестиваля, а также дипломант конкурсов «Любимовка», «Ремарка» и др. Автор двенадцати пьес и двух сценариев. Пьесы поставлены в театрах Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Новосибирской области и Красноярского края. Участие в более сорока литературных сборниках РФ и русского зарубежья. Более тридцати научных и публицистических статей по литературоведению, культурологии, языкознанию.

Пластлин

(из цикла рассказов «Питерские портреты»)

Соня с детства обожала лепить. Ни куклы ни сладости не могли заставить её девичье сердечко трепетать, в отличие от коробки пластилина... Глаза девочки загорались искорками при виде её, Соня громко хлопала в ладоши, крепко прижимала коробку к груди и скакала от радости по комнате, повторяя: «Спасибо, спасибо, спасибо...»

И почти так же доволен был тот, кто купил Соне эту недорогую по деньгам радость, скромную коробку детского пластилина. Но что для одних пустяк, для других – мечта и наслаждение. Чаще всего доставлял такое удовольствие Соне её папа – Сергей Михайлович. Мама Сони – Фаина Петровна придиричиво относилась к занятиям дочери лепкой. Со стороны мамы были предприняты попытки склонить дочь к другому виду творчества, более чистому что ли... Например, вышиванию или вязанию. Но Соня с таким кислым выражением лица сидела с пальцами, до того нелепо тыкала иглой, что Фаина Петровна отступилась. Правда, она установила некоторые непреложные правила: обязательно застилать стол, подоконник, комод, где лепила и расставляла свои произведения Соня, клеёной; куски пластилина и фигурки хранить в коробках; тщательно соскребать пластилин после занятий и лепить исключительно на специальных досках. Фаина Петровна снабдила дочь пустыми коробками, сшила

специальный фартук и нарукавники, а Сергей Михайлович нарезал для дочери доски и сделал отличную полку для поделок.

Никто из двух младших сестёр Сони не унаследовал пристрастия к лепке и пластилину. Фаина Петровна увлекла младших дочерей вышивкой и вязанием и преуспела в этом. А Соня была счастлива, что никто из домашних не покушается на её и только её богатство – пластилин.

Спустя годы Софья Сергеевна вспоминала своё детство всегда с доброй улыбкой, уверенная, что её профессия, рождённая из детского пристрастия – самая лучшая в мире. Иногда женщина с гордостью вспоминала годы учёбы в Академии, свою дипломную работу, наставников... Но чаще всего – как профессия скульптора помогала её семье выживать в 90-е годы... Мужу в институте регулярно задерживали зарплату... Софья Сергеевна завезла в их двухкомнатную квартиру керамическую глину, которую свалили прямо на полу в углу гостиной...

Сколько колокольчиков, обезьян и петухов, домовых и прочих глиняных фигурок вылепила тогда Софья Сергеевна – сосчитать невозможно! Сувенирные лавки скупали подобную продукцию тоннами. Что-то Софья Сергеевна обжигала дома в своей миниатюрной печи для обжига, что-то на работе после занятий с детьми в художественной школе. А перед праздниками заказов было столько, что даже дочь и муж помогали, чтобы успеть всё сделать к сроку. А заказы – это деньги, пусть и не большие, но реальные.

Надо сказать, что на женщинах в те годы держались многие семьи, в том числе и семьи сестёр Софьи Сергеевны, которые совместно шили, вязали и вышивали...

Когда в начале двухтысячных экономическая ситуация в стране слегка нормализовалась, три сестры, которые все официально работали в учреждениях культуры, решили добиться получения творческой мастерской, где могли

бы осуществлять свои идеи, хранить материалы и изделия...

Хлопоты о мастерской возложили на старшую сестру, и Софья Сергеевна с энтузиазмом взялась за дело. Она не видела причин, по которым они не заслужили небольшого помещения для творческой деятельности.

Мастерскую в Петербурге можно легко получить на коммерческой основе, но это был не их вариант. Как люди творческие, проверенные, сёстры надеялись получить помещение в аренду по самой низкой цене.

Каково же было удивление Софьи Сергеевны, когда на её заявление из комитета по культуре пришёл отказ по причине «отсутствия помещений для творческой деятельности по сниженной арендной ставке...» Сдаваться Софья Сергеевна не привыкла и написала в Смольный. Ответ пришёл. Отвечали из комитета по культуре, куда спустили заявление, что свободных помещений нет! Софья Сергеевна вооружилась терпением и собрала информацию о свободных мастерских в Адмиралтейском и Центральном районах, которые были предпочтительны... И снова – письмо! Ответ пришёл многообещающий – нужна рекомендация Российского творческого союза работников культуры. Софья Сергеевна отправилась за рекомендацией. Она стёрла ногу по дороге, а это – плохой знак. Рекомендательное письмо она не получила, но вступила в союз, посчитав, что три с половиной тысячи рублей на билет и членские взносы – это её личный благотворительный вклад в развитие культуры Санкт-Петербурга...

Следующая попытка получить заветную мастерскую выпала на смену губернаторов... Потом Софье Сергеевне посоветовали оформить статус предпринимателя...

Сёстры продолжали творить. Каждая – на своём поприще. Ученики Софьи Сергеевны получали гранты и разъезжались по миру...

Недавно ей самой исполнилось шестьдесят лет! Её поздравили из комитета по культуре и

союза работников культуры, пожелали здоровья и новых творческих успехов и даже наградили почётной грамотой!

На юбилей к Софье Сергеевне, который организовали дома, пришло много гостей. Друзья, ученики, коллеги. Сёстры принесли в подарок коробку её любимого пластилина.

После торжества, поздно ночью, сидя на кухне, Софья Сергеевна распаковала пластилин, попыталась представить себе тех, кто отвечал отказом на её просьбы о творческой мастерской, старалась вылепить этих воображаемых людей, но получались кондовые безликие болваны... Софья Сергеевна сломала фигурки, безжалостно смешав их мутные пластилиновые души.

Санкт-Петербург, 2021

Алёшенька

(из цикла рассказов «Питерские портреты»)

Эту историю мне рассказали два бизнесмена из Петербурга, один из которых – генеральный директор крупной транспортной компании, другой – заместитель генерального в строительной.

В прошлом, когда они оба ещё не считались успешными предпринимателями, а находились в статусе различных помощников, но желание достичь многого перехлёстывало через край, и сумасшедшая работоспособность и чувство эйфории от проделанной работы перекрывало реальное положение дел, им обоим случилось, а позднее они догадались, что повезло, несколько лет поработать под руководством Петра Михайловича Иванова, опытного и толкового начальника промышленной компании, занимающейся установкой электрооборудования. Пётр Михайлович был из, так называемых, «красных директоров»: при Советском Союзе руководил крупным заводом, а после, став предпринимателем, собрав команду профессионалов, создал крепкую промышленную компанию. Для моих визави Пётр Михайлович стал настоящим учителем-практиком и однажды преподал открытый урок бизнеса по-русски.

В то время они готовили к подписанию контракт на крупную сумму с бизнесменами из Риги. Рижане были очень заинтересованы в подписании этого контракта, но и для петербуржцев он сулил немалую выгоду. Бизнес – это выгода для обеих сторон, и ради неё люди идут на компромисс. Неоднократно делегации из Риги приезжали в Петербург и наоборот. Были согласованы все детали, поставки и прочее... Осталось малое, но такое долгожданное – подписать контракт. Решили сделать это в Риге.

Отвлечёмся немного от бизнес-планов наших героев и расскажем о том, что офис латвийской компании в Риге находился неподалёку от памятника неизвестному солдату на бульваре Узварас. Каждый раз, приезжая в Ригу, Пётр Михайлович со своими заместителями возлагал цветы к подножию монумента.

- У вас кто-то погиб здесь? – осторожно спрашивали коллеги.

- Нет, - тихо отвечал Пётр Михайлович, - у меня один дед сгорел в танке под Сталинградом, а другой пропал без вести где-то под Орлом. А сюда всегда прихожу. И вам советую. Этот памятник многие Алёшенькой зовут, а у меня один дед – Алексей, а второй – Алексеевич по отчеству...

- А у меня отец Алексей, Алексей Фёдорович Степанов, - подхватил заместитель Степанов.

- А я сам Алексей, - пробубнил другой заместитель Иванова.

- Ну, вот! Стало быть, это наша общая память! – подытожил Пётр Михайлович.

Так и повелось. Когда приезжали в Ригу, даже и без Петра Михайловича, шли с букетами цветов к Алёшеньке. И стал он вроде талисмана и как будто помогал невероятным образом в делах. Все заметили, что приносит этот ритуал удачу в бизнесе. А бизнесмены не дураки, хоть и суеверные.

И вот, приехав в Ригу на подписание договора, Пётр Михайлович со своими помощниками, моими рассказчиками, направились к памятнику. Купили гвоздик, а Алёшеньки нет...

- А где Алёшенька? – спросил Пётр Михайлович у сопровождавшего их Юриса.
- Так, убрали... Перенесли... - растерянно и как-то виновато объяснил парень.
- А куда перенесли? – допытывался Пётр Михайлович.
- Не знаю, не интересовался... Пойдёмте уже в офис. Вас ждут!
- Никуда мы пойдём, пока Алёшеньку не повидаем, - твёрдо сказал Пётр Михайлович.

Мои рассказчики в тот момент стояли молча с таким же выражением лица как и у Юриса. Только тот судорожно нажимал кнопки на сотовом...

Из офиса к бывшему месту памятника прибежало несколько человек.

- Господин Иванов, мы вас ждём! Надо срочно подписать контракт!
- Никакой контракт мы подписывать не будем.
- Что вы такое говорите?!
- Что слышите!
- Но почему?!
- Зачем вы Алёшеньку убрали?
- Это же не мы...
- А кто?! – Иванов в упор смотрел на рижских бизнесменов.
- Но какое это имеет значение?
- Большое.
- Вам этот контракт выгоден?
- Выгоден. Ну и что?
- Как что?
- Да! Что из того, что выгоден?
- Вы хотите упустить выгоду? Вы же бизнесмен.
- Я хочу получить разъяснения – зачем вы убрали Алёшеньку?
- Тупые русские!
- Ребята, садитесь в машину! Поищем памятник, цветы возложим и – домой!
- Вы в своём уме?
- А вы?
- Так дела не делают! Мы столько времени на вас потратили! Вы нам это возместите!
- Возместите сначала Алёшеньку.

- Тупые уроды! С русскими вообще не надо никаких дел иметь! – рижские коллеги уже не сдерживали своего негодования...
- Вот и прекрасно! Мы тоже не хотим иметь с вами дел. Поехали, ребята!

Я бы не поверила, что такое возможно, если бы не услышала этот рассказ из уст очевидцев.

- Теперь мы понимаем, что бывает лучше отказаться от выгоды...
- И мы оказались в плюсе.
- Как это?
-
- А что, тогда, нашли Алёшеньку?
- Нашли... За городом, под берёзами лежал...
- А что сказал Пётр Михайлович по поводу потерянной выгоды?
- Бог увидит – больше даст!

Санкт-Петербург, 2017

На фото: Памятник воинам Советской Армии — освободителям Советской Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков. Открыт в 1985 году, снесён 22 — 25 августа 2022 года.

РУБРИКА КАМЕННЫЙ ГОРОД*Четвёртый Рим*

*«Материя — всего лишь средство
для осуществления идей»*

А. С.

В далёком 1891 году поэт Дмитрий Мережковский написал стихотворение под названием «Будущий Рим»: «Рим — это мира единство: в республике древней свободы/Строгий языческий дух объединял племена...», передавая в своём рассуждении чередование взлётов и падений этого древнего города, символа имперскости, вечности устремления человечества к единству и законной упорядоченности, противопоставляя себя хаосу и безвластию. Заканчивает стих Мережковский, вопрошая о будущем Боге и будущем Риме: «Где ты, неведомый Бог, где ты, о, будущий Рим?» Сколько пронзительной правды об единящей сущности полисов-муравейников преподнёс нам поэт. Говорят, что первым одомашненным существом был сам человек. Но в это можно поверить с натяжкой. Птицы вили гнёзда, занимали дупла, зверьки жили в норах. И первые полисы принадлежат так же не человеку — большими группами живут термиты, пчёлы, муравьи.

Тяга к построению полиса — объединяет человека с роевыми насекомыми скорее всего, наличием общего гена. Пришло время цивилизация и полисы стали возникать повсеместно по всей земле от Мезоамерики до Азии и Европы. И самым мощным и известным полисом стал Рим. Полис, как совокупность амбиций, верований, культуры людей, существует во имя их общего блага. Люди, которые отвергают общую веру, общую идею, неспособны создать и будущего Рима. С тех пор, как первый Рим пал, идея его продолжения, как невозможности существования без него единого правового Мира, эталона права, возникала в умах многих великих правителей истории, начиная уже с Византии.

Первый Рим, как известно, пал под натиском Варваров, восставших рабов и нашествия

христиан, но главное — из-за внутренней моральной деградации. Боги, поддерживающие его, умерли, их алтари разрушены, статуи, библиотеки горят вместе с наследием всего древнего мира. «Боги наших отцов — наши дьяволы» - звучит со всех амвонов. Мир погружается в мрак Средневековья. В историографии этот период именован «Тёмные века Европы».

Восстание масс 1-г века, и новая христианская религия выбили почву из-под основания Древнего Рима и его империи. Отныне шла христианизация, а функцию обновлённого города взял на себя Константинополь. Жители его так же называли себя ромеями. Второй Рим просуществовал с основания его Константином Великим в 330-м году по 29 мая стояли Священный Рим, император и языческие боги во главе с Юпитером, то в основании Византийской империи уже стояли священный Константинополь и христианский император.

В 1453 году Константинополь пал под натиском турок-османов, которые утвердили там столицу своей империи и приспособили главную святыню христиан Собор Святой Софии под свою мечеть. Одной из основных причин падения Второго Рима был раскол христианской церкви на западную и восточную. И первой скрипкой в падении Византии сыграли крестоносцы, западу всегда была чужда любая восточная идеология.

Время падения Константинополя совпало со временем освобождения Московии от ордынского ига и расцветом Москвы. В период мудрого правления Ивана III (1440 — 1505) Москва расцвела в строительстве новых храмов, дворцов, каменных стен. Это был период конца раздробленности и завершения собирания земель русских под началом Москвы. Именно в эти светлые годы у духовных лиц Московии зарождается идея схожести судьбы Москвы и Рима. Так с лёгкой руки игумена Филофея Москва именовалась Третьим Римом, причём с эсхатологическим

окрасом: «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать». Как народ не мыслил своей жизни без преемственности царей, так и государственность не мыслилась без преемственности от империй древности.

Сдачей Москвы Наполеону и построением Парадиза-рая Санкт-Петербурга заканчивается история Третьего Рима.

Без сомнения, современный Евросоюз является моральным и политическим наследником Первой Римской империи. Вот только возникновение его ныне сопровождается полной деградацией нравов, отрицание культуры прошлого, опошления права. Из Римской империи современным Евросоюзом взята последняя его стадия упадка. Фашизация политики с отрицанием прав других наций на многополярность мира — есть крайняя черта, за которой стоит крах системы, война, разруха и новые «Тёмные века».

Со времён Первой Римской империи Евросоюз объединил в себе ещё большее количество стран и территорий. Вот только культуры и боги их оказались слишком пёстрыми. Основной императив, заставляющий людей хоть как-то выделять себя из массы остального мира — это европейскость. Многие даже поплатились за это своей государственностью. Это некое чувство объединённости под одной крышей, одной из целей которой — противостояние глобальным вызовам и внешним врагам. Оказывается, возникновение фашизма в Европе в 30-х годах XX века — это не случайность, а свойство европейского менталитета, который и сегодня никуда не делся, - этакая насмешка превосходства над остальным миром, котоаря ведёт начало ещё со времён августов, продолжается в Крестовых походах, войнах Наполеона, Первой и Второй мировых войнах, и фашизации Украины — как акта её инициации. Без сомнения — именно в этом видел закат Европы Освальд Шпенглер.

Петербург, как Четвёртый Рим на данное время может осознаваться лишь с эстетической точки зрения. Ему ещё не хватает того внутреннего содержания, которое имел Рим Первый. Но в

наших силах осознать то, что перехватив мировую инициативу, мы бы смогли сделать из своего города нечто большее. Нам достался великолепный город, который Пётр задумывал как некое подражание, мимесис Риму Августов. Очень ёмко этот смысл выразил в своей книге «Эрмитаж от скифов до Кифера» Михаил Пиотровский: *«Парадиз был не просто образом, рождённым радостным энтузиазмом царя-строителя. Это часть символики названия города. Парадиз-Рай открывается ключами святого Петра, в честь которого назван новый город. Пётр открывает парадиз. Два Петра и два парадиза — небесный и земной — сливаются и перемешиваются в общественном сознании. Такая простая и гениальная уловка со смешением имён стала одной из гарантий живучести имени стойкого ко всяким испытаниям города. Хорошо известно также, что город святого Петра — это Рим, и потому петровское имя города включает его в семантический ряд и символический спор «Москва — Третий Рим». Для Петра Петербург становился четвёртым Римом, и не случайно, что архитектурная ориентация нового города быстро передвинулась от Амстердама и Венеции к торжественному Риму. Ансамбли площадей и простор реки заменяли площади и холмы Рима. И не только Рима. Площади и реки заменили московские холмы. <...> Точно так же можно говорить о передаче эстафеты, порождённой ходом исторических событий: Рим — Константинополь — Москва — Санкт-Петербург».*

Однако, если абстрагироваться, и относиться к понятию Рим как к носителю законов и ценностей, вокруг которых способен объединиться периферийный мир, то Петербург мог бы претендовать на эту роль, наполнившись он соответствующим содержанием. В связи с деградацией европейскости центр мира в ближайшие десятилетия, и даже столетия будет смещаться в сторону Евразийства, оплотом которого должна стать

Россия.

Осуществим ли мы задумку Петра Великого, хватит ли в нас аристократической мудрости на то, чтобы город этот стал не просто Парадизраем для туристов и эстетов, но и местом притяжения мировых путей, местом силы политиков, слияния церквей, культур в огромный Парадиз мирового масштаба, житель которого даже на другом конце мира, воскликнув: Я — Петербуржец, - вызывал трепет уважения. Именно в этом контексте следует искать внутри себя воплощение будущего Петербурга, когда города уже станут не просто мегаполисами, а государствами в государствах. Петербуржец — это не просто звание, это состояние души, гордости за те камни, которые станут священными, за тех богов, которым не стыдно помолиться, за тех Цезарей, которым можно крикнуть: Слава Победителям!

Рим невозможен без Богов!

Рим падает, когда уходят Боги,

Пустеют храмы, слышен лязг оков,

И право попирают чьи-то ноги.

Град Римом без Патрициев не может стать!

Плебейству ни к чему большие звёзды!

Где та волчица, что однажды вскормит рать,

Готовых умереть за Рим бесслёзно?

На падший мир гляжу теперь с тоской,

И жду, когда же Рим воскреснет снова?

Под новой Евразийскою Звездой,

В камнях священных города Петрова!

Алексей Салтыков

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга Мелехина

Выпускница факультета журналистики Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Литературный редактор, спортивный журналист и публицист. Член союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 1999 г. Автор десятков исторических очерков о Путиловско-Кировском заводе, ветеранах-блокадниках, интервью с кинорежиссерами, известными артистами кино и эстрады, а также книги «Первый в России рабочий спортклуб», посвященный 100-летию СК «Кировец» (2014 г.). Увлекается историей, литературой, искусством, любит путешествовать. Большой почитатель творчества Николая Рубцова. В 2016 году стала одним из инициаторов и организаторов возрождения ЛИТО им. Николая Рубцова на Кировском заводе.

«Послужить России и заткнуть иностранца за пояс»

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат талантливому инженеру-изобретателю, выдающемуся предпринимателю, промышленнику и патриоту Николаю Ивановичу Путилову. В них заключено его жизненное кредо. За свою недолгую по сегодняшним меркам жизнь он успел принести

Отечеству столько пользы, что хватило бы на десятерых. Пример таких личностей как Николай Путилов вселяет уверенность в то, что русский народ всегда сможет дать достойный отпор тем, кто мечтает поставить его на колени, поработить или уничтожить. Давайте вспомним, что это был за человек и как ему удавалось утирать нос недругам России.

Способности проявились рано

Николай Иванович Путилов родился в 1820 году в имении Ерюхино Боровичского уезда Новгородской губернии. Его отец Иван Никифорович, офицер русской армии, участвовал в Отечественной войне 1812 года. А после ее окончания служил помощником полицмейстера водной полиции в городе Боровичи.

В 1830 году отец отвез сына в Петербург, где Николай был принят в морскую роту Александровского сухопутного кадетского корпуса. В дальнейшем Путилова-младшего как лучшего ученика по его прошению перевели в Морской кадетский корпус (ныне это Морской корпус Петра Великого).

Директором корпуса был организатор первой русской кругосветной экспедиции адмирал И. Ф. Крузенштерн; математику преподавал ученый с мировым именем академик М. В. Остроградский. Николай стал его любимцем и соавтором. После окончания в 1840 году Морского кадетского корпуса Путилов получил звание лейтенанта и ввиду выдающихся способностей в области математики остался там преподавать астрономию и навигацию в гардемаринских классах. Но в 1842-м по состоянию здоровья он оставил преподавательскую работу и переехал на юг. В южном округе Корпуса инженеров военных поселений на практике изучал строительное дело, участвовал в создании многих крупных объектов.

«И невозможное возможно»

Во время Крымской войны соединенные флоты Англии и Франции блокировали Кронштадт. Петербургу грозил захват с моря. Россия оказалась в крайне затруднительном

положении. Казна была истощена. Ситуация резко усугублялась еще и тем, что Запад устроил России экономическую блокаду, прекратив поставки всего, в чем страна остро нуждалась. Военное судостроение России находилось в плачевном состоянии.

В разгар войны Николая Путилова, чиновника особых поручений при директоре Кораблестроительного департамента, рекомендовали управляющему Морским министерством генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу в качестве талантливого изобретателя и организатора, имевшего опыт в кораблестроении. Тот вызвал Николая Ивановича и спросил: «*Можешь ли ты, Путилов, сделать невозможное: построить до конца навигации флотилию винтовых канонерок для обороны Кронштадта?*». В связи с отсутствием денег в казне, выдал ему 200 тысяч личных средств на решение этой сложнейшей задачи.

Путилов с энтузиазмом взялся за дело и в очень короткий срок организовал в механических мастерских Петербурга производство паровых машин, необходимых для строительства флотилии. Его оригинальный ум и неординарное мышление помогали находить ему нестандартные решения: например, он разместил изготовление штока паровой машины в каретной мастерской. «*Нужна была промышленная находчивость, чтобы заключить, что каретное заведение может делать части парового механизма, и большая способность убеждать других. Легко ли уверить человека, который точил только экипажные оси, что он сам не чует своей силы и способен выточить самый могучий аппарат движения?!*» – вспоминал член Пароходного комитета адмирал Иван Шестаков, в то время еще капитан-лейтенант.

Сам Путилов впоследствии рассказывал, как ему удалось добиться цели: «*В Крымскую войну экстренно потребовалось соорудить... 100 паровых военных судов, в том числе 14 корветов, 6 клиперов с общей мощностью 11 000 паровых сил. Для одновременного*

исполнения этой работы не хватало мастеровых. Ничего не оставалось, как послать в город Ржев, привезти прядильщиков, оставшихся в то время без работы после прекращения вывоза пряжи за границу из-за войны. Привезли мы прядильщиков, расписали их по заводам и мастерским. Назначили: кому быть литейщиком, кому слесарем, токарем, котельщиком. И на артель в несколько человек дали по одному старому мастерскому. Через неделю все принялись за работу. Это было в январе, а уже в мае того же года, то есть через 100 дней, 32 вооруженных канонерки, каждая с паровой машиной в 80 сил, стояли уже в Кронштадте...».

При этом часть деталей Путилов решил изготавливать на одном заводе, часть – на другом, а сборка и вовсе производилась на третьем. Все детали надо было не только изготовить с высокой точностью и чистотой обработки, но и в срок доставить на верфь для монтажа. Николай Иванович потом сравнил сборку машин со сборкой в Женеве часов: «из одной мастерской – циферблат, из другой – стрелки, из третьей – корпус и т. д. И часы собраны».

Параллельно шло строительство корпусов канонерок и корветов, причем «в таких местах, где и мысль не приходила что-либо строить». Например, 15 канлодок в один февральский день были заложены под открытым небом на Галерном острове прямо на береговом спуске Фонтанки в два ряда один над другим.

Быстро построенная русскими флотилия дала отпор вражескому флоту весной 1855 года, и тот уже не смог прорваться к Петербургу. Николай Иванович был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и произведен в надворные советники. Благодарные заводчики подарили ему серебряный венок, на 81-м листке которого были выгравированы названия построенных им кораблей.

Завалили рельсами Россию

В 1857 году Путилов ушел с госслужбы и на кредит Морского министерства построил в

Финляндии три металлургических завода на озерных рудах. Тем самым он обеспечил потребность российского флота в железе и стали, которая по качеству превосходила производимую в Англии. Кредит, взятый у Адмиралтейства, Путилов возвратил вовремя. В 1863 году он совместно с полковником Корпуса горных инженеров П. М. Обуховым и купцом 1-й гильдии С. Г. Кудрявцевым создал металлургический завод, после смерти Обухова названный по настоянию Николая Ивановича Обуховским.

В конце 1867 года в России грянул «рельсовый кризис» (привезенные из-за границы рельсы не выдерживали русских холодов и раскалывались). Путилов предложил чиновникам Министерства путей сообщения свои услуги в решении проблемы. В январе 1868-го правительство заключило с ним контракт и передало ему во владение бездействовавший несколько лет небольшой чугунолитейный завод за Нарвской заставой. Всего через 8 дней после покупки на заводе начали катать рельсы по особой «путиловской» технологии - с комбинированной стальной головкой, наладив круглосуточное массовое производство рельсов и поставку их на железную дорогу. Путилов буквально завалил ими страну за считанные месяцы. Импорт рельсов из-за границы сократился в несколько раз. Николай Иванович дневал и ночевал на заводе. Не скупясь, приглашал лучших специалистов. Уже через год у него трудились свыше 3 тысяч человек, а прокат рельсов был доведен до 2 млн пудов в год. Завод быстро превратился в самое большое и современное машиностроительное предприятие России того времени.

В награду – изображение герба на продукции

Путиловский завод имел свой характерный облик благодаря постройке мастерских по системе, предложенной Путиловым: огромные рельсовые дуги устанавливали на цементные фундаменты – получался металлический каркас. Каркас обшивался досками,

покрывался толем – и мастерская была готова. Такой тип мастерских стал образцом заводской постройки.

В 1869 году Путилову дали заказ на переделку 10 000 ружей старого образца на новый, заряжавшихся с казенной части. Русская армия переходила на вооружение винтовками с металлической гильзой по системе морского офицера Баранова. Заказы получили шесть заводов, на все заводы был лишь один образец, не было ни чертежей, ни лекал. Несмотря на это, уже через 2 месяца началась приемка переделанных ружей с Путиловского завода.

Путилов внедрял на своих заводах самые передовые технологии. В 1874 году он приступил к освоению производства стали новым методом, построив первым в России бессемеровский аппарат, вмещавший до 75 пудов металла. И его рельсовый завод стал давать, кроме крепкой стали, еще и мягкую, которая все больше и больше требовалась в производстве, в том числе для паровозостроения.

На Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года продукция заводов Путилова имела большой успех. Центральная часть заводской экспозиции была полностью оформлена из рельсов, расположенных в виде лучей солнца, символизируя зарю освобождения России от иностранной зависимости. Николай Иванович Путилов получил высшую награду в виде права «... употребления на выставках и изделиях изображения государственного герба...». Кроме того, его удостоили еще одной высшей награды - «за особые труды по развитию и улучшению железнодорожного производства в России..., за попечение об улучшении быта рабочих».

Для привлечения дополнительных капиталов, необходимых для расширения производства, Путилов добился у Александра II разрешения на учреждение акционерного общества, которое было образовано 2 мая 1873 года.

С отеческой заботой

Гуманист, уважавший личность и труд любого человека, независимо от социального

положения, Николай Иванович имел обыкновение обращаться к людям по имени-отчеству, здоровался за руку с мастеровыми, внимательно относился к ним, поддерживал рабочие династии. Он организовал на заводе школу для взрослых, обучая их умению разбираться в чертежах, ввел бесплатный прием больных с бесплатной выдачей лекарств из заводской аптеки, устроил больницу на территории завода, выплачивал пособие по болезни рабочим и служащим, для престарелых одиноких рабочих организовал приют-богачельню. Кроме заводской больницы и хорошей дешевой столовой, Путилов создал бесплатную библиотеку с выдачей книг на дом, разбил при заводской территории парк, в нем устраивал праздники с аттракционами, в парке играл самодеятельный духовой оркестр, для желающих заводили граммофон. В 1880 г. на заводе было создано Общество потребителей, пайщиками которого могли быть рабочие и служащие. Общество владело главной лавкой на самом заводе и шестью отделениями (магазинами), размещенными по месту жительства путиловцев. (Кстати, магазин №6 на пр. Стачек – одно из бывших отделений Общества потребителей - сохранился до наших дней).

Наследие

В 1874 году Николай Иванович приступил к осуществлению своего последнего грандиозного проекта - строительству коммерческого порта с железнодорожной веткой, соединенной с общей сетью железных дорог России, а также Морского канала Петербург - Кронштадт. Государство обещало выделить на эти цели 20 млн рублей из казны, но ограничилось лишь 2 млн (у проекта оказалось много противников, в том числе и влиятельных: его реализация грозила им потерей больших барышей, и они вели интриги, тормозили процесс). Путилов вынужден был почти сразу вести строительство на свои деньги, брать кредиты, влезать в долги. В итоге он разорился. Он умер

от разрыва сердца, оставив после себя огромные долги.

Так получилось, что Бог не дал ему детей. Главным наследием Путилова стали его дела, реализованные им грандиозные замыслы. По Морскому каналу, построенному по его проекту, входят сегодня в Петербург практически все суда. Живут и здравствуют созданные творческим гением, неутомимой настойчивостью и организаторским талантом Николая Ивановича ведущие российские предприятия – «Северная верфь», Обуховский завод и, конечно же, его любимое детище – завод на пр. Стачек, 47, который хотя и называется Кировским, но в народе зовется еще и Путиловским. Вместе с Россией он прошел через многие бури и потрясения, но выстоял и продолжает, несмотря на все мировые кризисы, развиваться. Это ему удастся, во многом благодаря исполинскому духу и незыблемым традициям, заложенным Путиловым, в том числе и самой ценной – верой и правдой служить России, твердо стоять на защите ее интересов. Нет сомнения в том, что эти традиции и дальше будут жить, и все новые поколения кировцев будут равняться на истинного патриота и верного сына своего Отечества - Николая Ивановича Путилова.

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

Надежда Радченко

О себе. Родилась я во Владимире в 1961 г., сейчас живу в Москве. В Петербурге наша семья жила четыре года, там моя младшая дочка родилась. Жили мы на Галерной улице, в самом центре, в окружении великих творений архитекторов Санкт-Петербурга - куда ни глянь, сплошная красота и гармония. Я преподавала экономику в Аэрокосмической академии. По образованию я экономист, закончила экономический факультет МГУ. Потом уже, после переезда в Москву, училась и на филфаке МГУ - по второму образованию я филолог. У меня есть две книжки детских стихов, обе изданы питерскими издательствами ("БХВ" и "Питер"). Также есть переводческие работы. Журнал "Мурзилка" публикует мои произведения с 2011 года, есть публикации и в других журналах для детей. Несколько слов о книге "Азбука Петербурга в стихах и картинках. От Ангела до Якоря". Издательство: Питер, 2017 г.

«Вообще, эта книга мне очень дорога. Написать стихи для "Азбуки" мне предложил Эдуард Матушкин, главный эрмитолог (специалист по волшебным существам из питерских музеев) проекта «Эрмиты. Петербургская сказка». Он был инициатором этого проекта, и он же его довёл до реализации. За что ему моё большое спасибо! Книга основана на сочетании оригинальных иллюстраций, выполненных художницей Анной Твердохлебовой, и стихов, в алфавитном порядке рассказывающих про явления, места, культуру города Петра. Ещё одной "изюминкой", которая нравится маленьким читателям, стало задание "найди рыжего котика". Кот - тотемное животное Петербурга, как же без него? Стихи написались легко и быстро, потому что материала и мыслей на эту тему было очень много, а вдохновение подпитывалось самой атмосферой города, прочно запечатлевшейся в моей памяти. В Петербурге много чудесного, сказочного, мифического. Писать про это легко и приятно. Вот и написала - с величайшим удовольствием и увлечением.

Таким образом, я и приобщилась к Всемирному клубу петербуржцев»

ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА

И камни Майя заговорили

«То, что создано одним человеческим умом,
не может не быть разгаданным другим»

Юрий Кнорозов

Родиной человека является то место, где он не просто родился, а где стал этим самым человеком с большой буквы, это та страна, в величие которой он внёс свою посильную лепту.

Не слишком ли мы равнодушны к славе человека, открытия которого по праву могут считаться жемчужинами Российской науки? Случилась такая несправедливость, что об этом учёном больше помнят, скажем в Мексике, чем на его Родине. В данной статье речь пойдёт об основателе Российской майянистики Юрии Кнорозове.

В подобном забвении почти сто лет пребывала память и о другом учёном, Шампольоне — великом французе, лингвисте и историке, который впервые представил рациональную расшифровку египетских иероглифов. До того времени они считались нечитаемыми рисунками. Но случилось нечто, и у французов проснулась национальная гордость, что это именно их учёный, из их цивилизованной страны, явился к туземцам, и вернул им утраченные знания. На сегодня Шампольон является одним из величайших национальных героев Франции. Ему ставят памятники, в его честь назван Лайнер, улица, площадь, лицей. Имя его известно любому французу.

Таким образом французы отдавали долг некогда любимой ими Африки. Таким же актом притяжения Русского Мира в Мезоамерике могла бы стать и фигура Юрия Кнорозова, возникни у нас подобные институты.

Удивительна схожесть посмертной мифологизации личностей Шампольона и Кнорозова. Придумывая небылицы к биографиям ещё не слишком известных людей, недобросовестные биографы, всегда желали привлечь интерес к своим трудам какими-либо сенсациями. Так, согласно Википедии, «...распространилась легенда, что мать

Шампольона была полностью парализована, а вылечивший её колдун предсказал рождение мальчика, который завоюет немеркнущую славу». Подобные мифы сегодня окружили и биографию Ю. Кнорозова. По версии его ученицы Галины Ершовой в молодости он увлекался шаманизмом и гипнозом, и мог избавить человека от головной боли, внушить чего-то, однако, вскоре бросил эти занятия. Дочь его в одном интервью отрицает такие способности отца.

ноября 2022 года исполняется сто лет со дня рождения основателя отечественной майянистики Юрия Кнорозова - историка, этнографа, лингвиста и переводчика письменности Майя. В 1948 году окончил ист. фак. МГУ, где со студенческой скамьи заинтересовался проблемой самой загадочной письменности на земле. Уже в 1952 году им был составлен предварительный отчёт о дешифровке, и далее — вся его жизнь и труды были связаны с этой проблематикой, которые увенчались значительными успехами, и отмечены высокими наградами, в том числе и от стран — потомков цивилизации Майя.

В 2018 году памятник Кнорозову установили в Мексике. Но именно здесь, в городе на Неве он сделал своё открытие. Камни Майя заговорили в кабинете учёного. Казалось бы, рядового учёного ждала обычная карьера научных степеней, но уже изначально Юрий ощутил в себе способность разгадать непосильную для других тайну Майя. В начале это была деятельность младшего научного сотрудника в Музее Этнографии народов СССР, где, получив служебное жильё, он соседствовал с самим Львом Гумилёвым, что во многом могло способствовать его мировоззренческому росту, но и в деятельной сфере судьба его сталкивала с такими людьми, как: Константин Платонов — психолог, профессор, Вячеслав Иванов (1929 - антрополог; Юрий Лотман (1922 — 1993) — литературовед, культуролог, семиотик, лауреат академической премии им. А. С. Пушкина; Валентин Берестов — писатель, переводчик,

поэт-лирик.

Атмосфера конца сороковых годов в Ленинграде была насыщена творческим многообразием. Именно в среде этой интеллигенции и оформился гений Юрия Кнорозова, который не обращая внимания на цензуру, или политические перипетии, продолжал развивать своё открытие.

Несмотря на то, что ему отказывали в поступлении в аспирантуру, по причине того, что во время войны он некоторое время находился на оккупированной территории, он, сознавая значимость своего открытия, не опустил рук. Огромную помощь в продвижении его открытия ему оказывал Сергей Токарев — этнограф, историк, религиовед, тогдашний ведущий научный руководитель института. Здесь же, в Ленинграде, в 1952 году Кнорозов обзавёлся семьёй, поселился в коммунальной квартире на Невском 111. Вскоре он перевёлся в Кунсткамеру во вновь открытый сектор Америки, Австралии и Океании, где смог продолжить свои занятия.

История Майя, как и других народов обоих Америк, не вписываются в концепцию Западной цивилизации. Долгое время эти цивилизации вообще ничего не знали друг о друге. Но то, с какой алчностью и агрессией цивилизация Запада отнеслась к открытию этих «Новых» Континентов и самобытных народов, не таких, как они, - выдают всю её напускную, надуманную цивилизованность. За словами о некоем благе даже не скрывалось тотальное ограбление, геноцид, захват территории, и самое позорное — уничтожение культуры, храмов, артефактов, письмен, фольклора и верований. Потомки носителей уничтоженной культуры, хотя и говорят ныне на языках поработителей — испанском, португальском, английском, но тихо ненавидят за произошедшее «открытие Нового света». В отличие от Египетской, цивилизация Майя гораздо дальше от нас в культурно-историческом контексте. Но в общемировом — таких различий делаться не должно.

В июле этого года был подписан указ Президента РФ Путина «Об увековечении Памяти Ю. В. Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения» от 01.07. 2022 №419. В нём вкратце говорится: образовать, подготовить, обеспечить, рекомендовать, увековечить. Инициативной группой был создан макет мемориальной таблички, но, к сожалению, долгое бюрократическое согласование её с КГИОП ставит под сомнение

установку её к столетнему юбилею учёного. Посмотрим, как встретит эту дату Санкт-Петербург.

На фото выше - проект мемориальной доски для установки в Кунсткамере. По итогам опроса, проведённым мной на своей страничке Вконтакте из сорока двух респондентов только четырнадцать ответили, что знают кто такой Юрий Кнорозов.

Алексей Салтыков. 2022 год.

ОДИН СТИХ ОДНОГО ПОЭТА

Рабиндранат Тагор

Рабиндранат Тагор (7 мая 1861 — 7 августа 1941) — индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель. Его творчество сформировало литературу и музыку Бенгалии. Он стал первым среди неевропейцев, кто был удостоен Нобелевской премии по литературе (1913). Переводы его поэзии рассматривались как духовная литература и вместе с его харизмой создали образ Тагора-пророка на Западе. Почти в 70 лет Рабиндранат Тагор открыл для себя живопись. И следующие годы посвятил себя рисованию. «Утро моей жизни было исполнено песен, пусть закат моих дней будет исполнен красок», — говорил Тагор. После себя он оставил не только тысячи красивейших строк, но и около 2-х тысяч картин и рисунков.

Камнем волшебным,
Камнем огня,
Душу мою тронь.
Жизнь мою
Светлым горением
Пусть очистит огонь.
Тело мое, как светильник,
Ввысь подними,
К небесам.
Пусть ночью порою
Осветит оно
Твой храм.
Пусть пылает
В песнях моих
Твой вечный огонь.
Камнем волшебным,
Камнем огня,
Душу мою тронь.
Ночь наступила.
Снова и снова
Светом коснись темноты.
Пусть распускаются
Новые звезды,
Словно цветы.
Преображенные
Очи прозреют.
Рассеется мрак ночной.
Куда ни помотришь,
Всюду, всюду
Свет воцарится твой.
Боль моя вспыхнет.
Ринется ввысь
Жаркий огонь.
Камнем волшебным,
Камнем огня,
Душу мою тронь!

Перевод В.Микушевича

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
КАМЕННЫЙ ГОРОД
ЛИТО им. Н. Рубцова Кировского завода
№1. 2022 год

Редактор, автор идеи и дизайн - Алексей Салтыков

Иллюстрации взяты из просторов интернета. Отдельная благодарность художнику Ольге Бух за предоставленную картину в качестве оформления обложки.

Редактор благодарит всех авторов, приславших в этот выпуск свои работы, и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Свои отзывы, пожелания, а так же предложения сотрудничества присылайте на адрес редактора: saltykoff@inbox.ru

Санкт-Петербург

2022 год